

III.

ДЕЛЬВИГЪ.

(Полное собрание сочинений русскихъ авторовъ.
Сочиненія Нелединскаго-Мелецкаго и Дельвига. Изданіе Аλε-
ксандра Смирдина. Спб. 1850.)

СТАТЬЯ ВТОРАЯ (*).

III.

Первыя впечатлѣнія Дельвига по выпускѣ изъ Лицея. — Его частная жизнь
убѣжденія, лѣнь и беззаботность. — Вызванныя ими вѣсѣшки. — Служ-
ба Дельвига. — Его участіе въ литературныхъ обществахъ. — Отношенія
Дельвига къ некоторымъ изъ современныхъ писателей, и преимущественно
его дружба съ Баратынскимъ. — Ихъ стихотворная переписка и взаимныя
восхваленія. — Начало литературной войны съ ново-романтиками. — Жур-
нальныя ополченія.

Новый образъ жизни, который начался для Дельвига съ выпу-
скомъ его изъ Лицея, ея новая обстановка, новыя отношенія, дале-
ко непохожія искренностью и простотою на прежнія, не равъ за-
ставляли его жалѣть объ этой переменѣ и вспоминать о Царскомъ
Селѣ, гдѣ, въ тѣсномъ, дружескомъ кружкѣ, безмятежно прошли
лучшія шесть лѣтъ его жизни. Самый выпускъ, за которымъ слѣ-
довала разлука съ друзьями, возбуждалъ въ немъ болѣе сожалѣнія,

(*) Первая напечатана въ февральской книжкѣ «Современника» нынѣшняго
года.

нежели радости, и Дельви́гъ ожидалъ этого дня съ какимъ-то тяжелымъ предчувствіемъ. Нѣкоторымъ доказательствомъ этой грустной и тревожной недоуверчивости, съ которою онъ смотрѣлъ на будущее, можетъ служить написанная имъ передъ самымъ выпускомъ изъ Лицея, и нигдѣ еще не напечатанная слѣдующая элегія (октавами) :

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

« Я рѣдко пѣлъ, но весело, друзья!
 Моя душа свободно разливалась.
 О царскій садъ, тебя ль забуду я?
 Твоей красой волшебной оживлялась
 Проказница фантазія моя,
 И со струной струна перекликалась
 Въ согласный звонъ, сливаясь подъ рукой,
 И вы, друзья, любили голосъ мой.
 Вамъ пѣсни въ даръ отъ сельскаго поэта!
 Любите ихъ за то хоть, что мои.
 Богъ вѣсть, куда умчитесь въ шумѣ свѣта
 Всѣ вы, друзья, всѣ радости мои?
 И, можетъ быть, мечты моей Лилета
 Тамъ будетъ мнѣ мученіемъ любви;
 А даръ пѣвца, лишь вамъ въ пустынѣ милый,
 Какъ василекъ, недоувететъ унылый. » (*)

(*) Изъ рукописной тетради стихотвореній Дельвига, сообщенной П. А. Плетневымъ.

По отпечатаніи первой статьи о Дельви́гѣ автору ея удалось найти, совершенно неожиданно, три тома рукописей Дельвига. Покойный поэтъ, не задолго до смерти, подарилъ эти рукописи своему другу П. А. Плетневу, который и представилъ ихъ въ полное распоряженіе автора предлагаемой статьи. Два первые тома заключаютъ стихотворенія (большую часть въ хронологическомъ порядкѣ), между которыми нашлось *сорокъ-одно* стихотвореніе и нѣсколько отрывковъ еще неизданныхъ. Мы постараемся познакомить съ нѣкоторыми изъ нихъ нашихъ читателей. На первый случай представимъ въ этой же статьѣ нѣсколько такихъ неизданныхъ стихотвореній и нѣсколько отрывковъ. Въ третьемъ томѣ заключаются прозаическія статьи Дельвига, преимущественно статьи полемическія и рецензіи новыхъ книгъ, печатавшихся безъ имени въ «Литературной Газетѣ»; слѣдовательно, всѣ безыменныя статьи Дельвига теперь могутъ быть опредѣлены, что объясняетъ, между прочимъ, нѣкоторые темные вопросы въ журнальной полемикѣ того времени. Найденныя рукописи не составляютъ какого либо важнаго приобрѣтенія для литературы; но для монографіи о Дельви́гѣ—онѣ весьма существенное пособие, и потому авторъ считаетъ обязанностью благодарить П. А. Плетнева за сообщеніе этихъ важныхъ для критика и біографа матеріаловъ.

Въ первой статьѣ о Дельви́гѣ мы, не имѣя еще подъ рукою этихъ данныхъ, исчисляли напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ и пропущенныя въ смирненскомъ собраніи стихотворенія Дельвига. Изъ находящихся у насъ рукописей оказывается, что Дельви́гу принадлежатъ еще, по крайней мѣрѣ, два напечатанныхъ сти-

Предстоящая разлука производила совершенно другое впечатлѣніе на Пушкина. Онъ ожидалъ ее съ полною, беззаботною веселостью, которой не нарушало ни одно темное предчувствіе. Вотъ, напримѣръ, что онъ писалъ

КЪ ТОВАРИЩАМЪ ПЕРЕДЪ ВЫПУСКОМЪ.

« Промчались годы заточенья:
 Не долго, милые друзья,
 Намъ видѣть кровь уединенья
 И царкосельскія поля.
 Разлука ждетъ насъ у порогу;
 Зоветь насъ свѣта дальній шумъ,
 И каждый смотритъ на дорогу.
 Въ волненьи юныхъ, пылкихъ думъ. »

Изобразивъ далѣе будущность, ожидавшую многихъ своихъ товарищей, Пушкинъ обращается къ самому себѣ :

« Лишь я, судьбѣ своей послушный,
 Счастливой нѣги вѣрный сынъ,
 Душой безпечный, равнодушный,
 Въ постели задремалъ одинъ (*) ».

Этому равнодушію поэтъ ни разу не измѣнилъ во всю жизнь. Слѣдовательно, личныя впечатлѣнія обоихъ друзей-поэтовъ при предстоявшей имъ разлукѣ были совершенно противоположны, если только допустить, а это весьма возможно, искренность до нѣкоторой степени въ обоихъ стихотвореніяхъ : Дельви́гъ сожалѣлъ о разлу-

хотворенія, именно : *Е. А. Б...вой* (отсылая ей за годъ предъ тѣмъ для нея написанные стихи), съ подписью *Д.*, въ «Благонамѣренномъ» 1820 года (часть IX, № 1, стр. 116), и *Эпиграммы рецензенту поэмы Русланъ и Людмила* (изъ двухъ принадлежитъ Дельви́гу первая — навѣрно, а можетъ быть, и обѣ), въ «Сынѣ Отечества» 1820 г. (часть 64, № XXXVIII, стр. 283); слѣдовательно, всѣхъ пропущенныхъ у г. Смирдина изданныхъ стихотвореній Дельвига уже не 32, какъ сказано въ первой статьѣ (стр. 31), а 34.

Замѣтимъ кстати, что напечатанное въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 26, 1833 г., стр. 270) извѣстіе о находкѣ этихъ рукописей, должно быть, заимствовано изъ самаго невѣрнаго источника, потому что въ немъ все, начиная съ незаслуженныхъ похвалъ этому этюду и подробностей объ авторѣ, даже ему самому неизвѣстныхъ, до количества найденныхъ стихотвореній — несправедливо. Не касаясь перваго, скажемъ только, что неизданныхъ стихотвореній Дельвига нашлось не только болѣе двадцати-пяти, какъ сообщаетъ торопливый корреспондентъ, а болѣе сорока.

(*) Стихотвореніе, изъ котораго припедены эти два отрывка, напечатано, въ числѣ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, въ IX томѣ его сочиненій (стр. 397). Авторъ предлагаемой статьи видѣлъ автографъ этого стихотворенія у бывшего директора Лицея Е. А. Зигельгарда.

къ съ друзьями, полагая въ нихъ «все свои радости», и ждалъ этого дня съ тревожнымъ предчувствіемъ; Пушкинъ весело и беззаботно смотрѣлъ впередъ, заранее распредѣляя судьбу своихъ товарищей и предоставляя себѣ только нѣгу и беззаботность.

Черезъ нѣсколько дней по выпускѣ изъ Лицея, Дельвигъ поѣхалъ на свиданіе съ родными въ Полтавскую губернію, гдѣ, какъ уже сказано въ первой статьѣ (стр. 63), отецъ его находился на службѣ. Передъ отъѣздомъ, Дельвигъ написалъ слѣдующее стихотвореніе въ альбомъ къ своему лицейскому товарищу И. И. П — пу:

«Прочтя сіи набросанныя строки
Съ небрежностью на памятномъ листкѣ,
Какъ не узвать поэта по рукѣ?
Какъ первые не вспомнать уроки,
И не сказать при дружескомъ столѣ:
Друзья, у насъ есть другъ и въ Хоролѣ?»

Стихотвореніе это, пропущенное въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига, напечатано въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1817 года (августъ, стр. 228) подъ заглавіемъ *Къ П — пу. (Въ альбомѣ)*, съ подписью: *Хорольскій житель на время, — Д — (1)*. Дельвигъ недолго прожилъ въ Малороссіи: въ іюль того же (1817) года онъ былъ опредѣленъ на службу, и потому долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ. Онъ поселился въ Троицкомъ переулкѣ, вмѣстѣ съ братомъ одного изъ своихъ лицейскихъ товарищей П. Л. Яковлевымъ (2), авторомъ романа «Удивительный человекъ» (3). Несмотря на собиравшееся у нихъ веселое пріятельское общество, Дельвигъ долго не могъ забыть Царскаго Села. Вотъ что писалъ онъ

(1) Въ первой нашей статьѣ, при исчисленіи пропущенныхъ въ смурдинскомъ изданіи стихотвореній Дельвига, сказано (стр. 50), что это стихотвореніе написано Пушкину. Это — опечатка, случившаяся по сходству фамилій; слѣдуетъ: *Пушину*.

(2) Сообщено кн. Д. А. Э.

(3) Отрывки изъ этого романа были напечатаны въ №№ 8, 9, 10 и 12 «Литературной Газеты» 1831 года и въ пятой книжкѣ «Телескопа» 1831 года. Отдѣльно романъ явился въ томъ же году въ пяти частяхъ. Въ «Сѣверномъ Меркуріи», литературной газетѣ, которую издавалъ Бестужевъ-Рюминъ въ 1830 и 1831 годахъ, былъ напечатанъ (№ 72, 1831 г., стр. 292) слѣдующій лаконическій отзывъ объ этомъ романѣ: «Г. Яковлевъ имѣлъ терпѣніе написать этотъ романъ: *Удивительный человекъ!*» — «Московскій Телеграфъ» (1831 г., апрѣль, № 7, стр. 396, также весьма лестно высказалъ свое мнѣніе объ этомъ произведеніи. Гораздо свиходительнѣе отзывались о немъ «Телескопъ» 1831 г., № 11, стр. 377, и «Литературная Газета» (1831 г., т. III, № 34, стр. 278), конечно, имѣя въ виду, что не задолго до того они представили своимъ читателямъ отрывки изъ романа.

къ Яхонтову, своему лицейскому товарищу (2-го курса), скоро послѣ выпуска изъ Лицея:

«Не мило мнѣ на новосельѣ;
Здѣсь все увяло, тамъ цвѣло.
Одно и есть мое веселье:
Увидѣть Царское Село!
Цвѣтку милѣй своя поляна,
(Тамъ зналъ онъ радости одинъ!)
Чѣмъ яркіе края стакана,
Гдѣ бѣдный вянеть на окнѣ.
И пусть при свѣтлой тишинѣ
Небесъ проснувшихся Свѣтлана
Не налюбуется цвѣткомъ
Въ высокомъ теремѣ своемъ;
Пусть окронитъ его слезою
И будетъ нѣжно прижимать
Къ груди, нескрытой подъ платою,
Моля его — не увядать, —
Увянетъ! — Я жъ скажу прекрасной:
Что слезы? сожалѣть напрасно!
Не нужно было бы срывать!»

Это слабое стихотвореніе, пропущенное въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига, напечатано въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 года (часть I, февраль, стр. 87), подъ заглавіемъ «Элегія» (къ Яхонтову), съ подписью *Баронъ Дельвигъ (*)*.

(*) Въ находящихся у насъ рукописяхъ Дельвига стихотвореніе это повторяется нѣсколько разъ: въ томъ видѣ, какъ оно было напечатано, и съ различными исправленіями, отъ которыхъ едва ли слѣдилось лучше. Исправленія эти начинаются съ пятой строки, съ которой, для сравненія, и представляемъ стихотвореніе въ новомъ видѣ:

— «Что ты, цвѣточекъ, увядаешь,
Мной сорванный съ родныхъ полей?
Иль, гость веселій, ты не знаешь
Завидной участи своей?
Гордись, гордись! Благоухаешь
Ты въ златѣ лилиныхъ кудрей!» —
«О, кудри мягки, ихъ дыханье
Благоуханій пышныхъ розъ:
Но въ златѣ ихъ мнѣ жизнь — страданье,
А счастье тамъ, гдѣ я возрость!»
— Цвѣтокъ мой, гни! Сколько Лилой
Потратится жемчужныхъ слезъ,
Когда сей жалобѣ ушлою
Пришлось и ей со мной внимать!
Ты жалокъ мнѣ, цвѣточекъ милый! —
«Что сожалѣть! зачѣмъ срывать?»

Дельви́гъ, дѣйствительно, не преувеличивалъ, говоря, что одно его веселье —

«Увидѣть Царское Село.»

Первые годы по выпускѣ изъ Лицея, даже до 1825 года, онъ очень часто ѣздилъ въ Царское Село и нерѣдко проводилъ тамъ по нѣсколькимъ дней. Театры, балы и маскарады, оживлявшіе въ то время Царское Село, привлекали туда не одного Дельви́га. Пушкинъ также ѣздилъ туда очень часто. У обоихъ поэтовъ было тамъ множество пріятелей: въ Лицеѣ оставалось еще нѣсколько ихъ младшихъ товарищей; въ гусарахъ гвардіи служили двоюродные братья Дельви́га Рахмановы и нѣсколько бывшихъ воспитанниковъ Царскосельскаго Благороднаго Пансіона. Вообще въ пріятеляхъ и знакомыхъ недостатка не было. Кромѣ упомянутыхъ лицъ, Дельви́гъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ служившими тогда въ Царскомъ Селѣ офицерами гвардіи: Пономаревыми, Левашевыми, Сабуровыми, Чернышевскими, Охотниковыми, Воейковыми, Болтинскими, Черевинскими, Нащокиными, Коншинскими, Фулмонами и нѣкоторыми другими. Всѣ они любили Дельви́га, и онъ проводилъ въ ихъ обществѣ цѣлыя дни (*).

Воспоминанія о тихой лицейской жизни, даже сожалѣнія о ней, встрѣчаемъ и у Пушкина, несмотря на то, что онъ гораздо легче Дельви́га свыкался со всѣми обстоятельствами жизни и довѣрчивѣе его вступалъ на новый, открывшійся передъ ними путь.

Въ своемъ стихотвореніи (безъ заглавія, соч. Пушкина, т. IX, стр. 391), написанномъ, вѣроятно, передъ самымъ выпускомъ изъ Лицея, въ альбомъ одного изъ его товарищей, Пушкинъ говоритъ:

«Взглянувъ когда нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улетѣ въ лицейскій уголокъ
Весильной, сладостной мечтою.
Ты вступи быстра минута прежнихъ дней,
Неволю мирную, шестъ лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размовки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вступи первую любовь...»

Въ слѣдующемъ стихотвореніи, написанномъ къ тому же лицу, спустя нѣсколько лѣтъ по выпускѣ изъ Лицея, но напечатанномъ,

(*) Сообщено кн. Д. А. Э.

однакожь, въ числѣ лицейскихъ (соч. Пушкина, т. IX, стр. 392), еще искреннѣе выразились эти воспоминанія:

«Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой домъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ, то же утѣшенье!
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней!»

Въ одномъ неизданномъ стихотвореніи Пушкина читаемъ слѣдующія строки:

«Неправда ли, вы помните то поле,
Друзья мои! гдѣ въ прежни дни весной,
Оставя классъ, играли мы на волѣ,
И тѣшились отважною борьбой?»

Но трогательнѣе и восторженнѣе всего выразились эти воспоминанія въ его извѣстномъ стихотвореніи 19 октября 1825, напечатанномъ первоначально въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 годъ (стр. 342), и вошедшемъ въ собраніе его сочиненій (изд. 1838 г. Т. III, стр. 18). Вотъ седьмая строфа этого стихотворенія:

«Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ, —
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
Сростаясь онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастье куда бы ни повело,
Все тѣ же мы...»

Слѣдовательно, воспоминанія о Лицеѣ одинаково отрадно дѣйствовали на обоихъ поэтовъ: оба они завидовали прошедшему, жалѣли о немъ и вспоминали о годахъ, проведенныхъ въ Царскомъ Селѣ, какъ о самомъ свѣтломъ времени жизни.

Частная жизнь Дельви́га, съ самого выпуска его изъ Лицея, отличалась лѣнностью и безпечностью. Его добродушная беззаботность въ отношеніи ко всему окружающему, еще въ Лицеѣ обратившая на себя вниманіе его товарищей и сдѣлавшая его лицомъ анекдотическимъ, развивалась съ каждымъ годомъ. Какъ съ именемъ каждаго лица, отдѣливагося отъ другихъ какою нибудь своеобразною особенностью, связано понятіе о его отличительныхъ свойствахъ, такъ съ именемъ

Дельвига нераздельно является представлением лъни, доведенной до эксцентричности. Дельвигъ чувствовалъ, что, благодаря этому качеству, онъ обращаетъ на себя вниманіе, и потому не только не старался ограничивать своихъ лънивыхъ наклонностей, но даже иногда рисовался своею лънью и беззаботностью. Вообще, быть лънивымъ и безпечнымъ считалось въ то время какъ бы необходимою принадлежностью поэта. Мнѣніе это и соответственное ему литературное направленіе, особенно выразившееся въ подражаніяхъ Анакреону, Горацию, Катуллу и Тибуллу, поэтамъ, между прочимъ, спокойствія и безпечности, обуславливались взаимно. Уже давно отжившее и осмѣянное вліяніе французской литературы ограничивалось только элегическимъ направленіемъ: беззаботные Шенье и особенно Парни не разъ служили образцами для нашихъ поэтовъ; псевдоклассицизмъ смѣнялся псевдоромантизмомъ, и, подчиняясь этимъ разностороннимъ вліяніямъ, большая часть нашихъ поэтовъ, и преимущественно Батюшковъ, князь Вяземскій, Денисъ Давыдовъ, Пушкинъ, Баратынскій, Языковъ и многіе другіе поэты, подражатели подражателей, цеголяли другъ передъ другомъ, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, свою лънью и мечтательною безпечностью.

Указаніе въ этомъ отношеніи фактовъ (т. е. приведеніе стихотвореній или ссыла на нихъ) повело бы насъ слишкомъ далеко; притомъ же большая часть изъ нихъ, безъ сомнѣнія, уже извѣстны читателямъ; нѣкоторые же будутъ приведены ниже (*).

Это общее литературное направленіе, это стремленіе къ лъни и бездѣйствію (разумѣется, повторяемъ, болѣе на бумагѣ) прекрасно выражено княземъ Вяземскимъ въ посланіи къ «Графу Чернышеву въ деревню» («Мнемозина» 1824 года, часть I). Вяземскій отвѣчаетъ на слѣдующій ему упрекъ въ лъности и бездѣйствіи и оканчиваетъ свое посланіе слѣдующими строками, поразительно-вѣрными своему времени:

«Опомнись, графъ, иль надо мною
Ты насмѣхаться перестань, —
За лънь я заслужилъ — не скрою —
Признательности общей дань.
Сожмись на всѣхъ: весь свѣтъ свидѣтель,
Что твой безсовѣстенъ упрекъ,
И что въ нашъ дѣятельный вѣкъ
Лънь — не порокъ, но добродѣтель.»

(*). Считаю, однакожъ, не лишнимъ указать пропущенное въ смирдинскомъ «Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторъ» посланіе Д. Давыдова къ Е. О. С — ну (написанное въ Дрезденѣ, въ 1814 г., и напечатанное въ «Сиріусѣ», собраніи сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, изданномъ М. А. Бесугубевымъ-Рюминымъ въ 1826 году, книжка первая, стр. 71).

Какъ скоро и какъ сильно привилось это направленіе къ лицейскимъ поэтамъ, читатели могутъ судить отчасти по нѣкоторымъ приведеннымъ въ нашей первой статьѣ о Дельвигѣ (Современникъ 1853 г., № II, Критика, стр. 79, 80, 81, 82 и 83) стихотвореніямъ Пушкина. Для желающихъ еще болѣе удостовѣриться въ справедливости сказаннаго нами, укажемъ еще нѣсколько произведеній Пушкина, напечатанныхъ въ IX томѣ его сочиненій, въ отдѣлѣ лицейскихъ стихотвореній, слѣдовательно относящихся къ тому же времени — къ началу его поэтической дѣятельности. Вотъ они: «Къ ней» (стр. 310); «Сну», стихотвореніе, напечатанное въ одномъ и томъ же томѣ два раза: въ первый — подъ заглавіемъ «Сну» (стр. 318), а во второй — подъ заглавіемъ «Къ Морфею» (стр. 390), съ пропускомъ, сравнительно съ прежнимъ, первыхъ пяти строкъ и перемѣною въ шестой, въ какомъ видѣ и явилось въ одномъ изъ альманаховъ на 1824 годъ подъ этимъ же заглавіемъ; *Любовь одна веселье жизни хладной...* (исполненная граціи элегія безъ заглавія, стр. 319); «Моск. завѣщаніе друзьямъ» (стр. 355); «Къ Г...у» (Галичу, стр. 400); «Мечтатель» (стр. 403); «Къ П...у» (Пушину, стр. 407), и «Городокъ» (стр. 410), стихотвореніе, перепечатанное, какъ уже сказано въ нашей первой статьѣ (стр. 78), съ значительными пропусками, изъ «Россійскаго Музеума», изд. Владиміромъ Измайловымъ въ 1815 году.

Но еще опредѣлительнѣе, еще яснѣе высказалось это направленіе въ стихотвореніи «Сонъ» (отрывокъ, стр. 301), въ которомъ Пушкинъ, предоставляя другимъ гоняться за счастьемъ и славою, воспѣваетъ сонъ — этотъ «безцѣнный даръ Морфея», и научаетъ друзей своей музы наслаждаться какъ должно этимъ даромъ. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этого стихотворенія, вполне объясняющихъ сказанное нами:

«Приди, о лънь! приди въ мою пустыню!
Тебя зовутъ прохлада и покой;
Въ одной тебѣ я зрю свою богиню;
Готово все для гостыи молодой.»

(Стр. 301.)

«Вотъ мой диванъ! придижь въ обитель мира,
Царицей будь, я плѣнникъ нынѣ твой.
Учи меня, води моею рукой,
Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!»

(Стр. 302.)

«Мы спать хотимъ, любезные друзья!
Стократъ блаженъ, кто можетъ сномъ забыться
Вдали столицъ, каретъ и пѣтуховъ!»

(Стр. 304.)

«Душевныхъ мукъ волшебный исцѣлитель,
Мой другъ Морфей, мой давній утѣшитель!
Тебѣ всегда я жертвовать любилъ,
И ты жреца давно благословилъ.»

(Стр. 307.)

Дельвигъ въ этомъ отношеніи, и, разумѣется, только въ одномъ этомъ, далеко превзошелъ своего знаменитаго друга. Онъ даже остался вѣренъ до смерти этому направленію, между тѣмъ какъ другіе современные ему поэты освобождались отъ него съ каждымъ годомъ.

Жизнь писателя, какъ и вообще всякая дѣятельность въ чистомъ умственной сферѣ, рѣдко отличается вѣщными происшествіями, но она иногда видна въ его сочиненіяхъ, и въ настоящемъ случаѣ, за неимѣніемъ достаточнаго количества фактовъ, мы обратимся къ этому источнику. Притомъ же «слова поэта суть уже дѣла его», какъ говоритъ Пушкинъ.

Свой идеалъ жизни, разумѣется, опозитивированный, Дельвигъ выразилъ въ стихотвореніи «Тихая жизнь», напечатанномъ въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности» (ч. X, стр. 87), съ подписью — А —. Это стихотвореніе пропущено въ изданіи г. Смирдина, и потому приводимъ его вполнѣ:

«Блаженъ, кто за рубежъ наслѣдственныхъ полей
Ногою не шагнетъ, мечтой не унесется;
Кто дышетъ въ родинѣ, и съ милою своею
Какъ весело заснетъ, такъ весело проснется;
Кто молоко отъ стада, хлѣбъ съ нивы золотой
И мягкую волну съ своихъ овецъ собираетъ;
Кому домашній дубъ въ огнѣ трещитъ зимой,
И сонъ прохладою въ день лѣтній навѣваетъ.

Спокойно цѣлый вѣкъ проводитъ онъ въ трудахъ,
Полета быстрого часовъ не примѣчая;
Устанетъ наконецъ, и съ думой о друзьяхъ
Предается смерти онъ, приятно засыная.
Такъ жизнь и Дельвигу тихонько провести!
Умру — и скоро всё забудутъ о поэтѣ.
Что нужды? я блаженъ; я живши могъ найти
Въ безвѣстности покой и счастье въ Лилетѣ.»

Въ этомъ идеалѣ жизни, — идеалѣ невысокомъ, и потому достигнутомъ, — Дельвигъ выразилъ свои воззрѣнія на жизнь, которымъ не измѣнялъ никогда, свои требованія отъ жизни, свой отличительный характеръ.

Почти такой же идеалъ жизни, съ прибавленіемъ только веселья и дружбы, находимъ и въ другомъ стихотвореніи Дельвига, подъ заглавіемъ «Мой домикъ»:

За далью туманной,
За дикой горой
Стоитъ надъ рѣкой
Мой домикъ простой.
Для знати жеманной
Онъ запертъ ключемъ,
Но горенку въ немъ
Отвелъ я веселью,
Любви и бездѣлю:
Они берегутъ.
Мой скромный пріютъ.
Дана имъ свобода
Въ кустахъ огорода,
На злакѣ луговъ
И древнихъ дубовъ,
Въ тѣни молчаливой,
Гдѣ, струйкой игривой
Сверкая, бѣжитъ,
Бѣжитъ и журчитъ
Ручей пограничный —
Съ заботой привѣчной
Порхать и летать,
И пѣсню сладкой
Въ мой домикъ укладкой
Друзей прикликать.» (*)

Этотъ безцвѣтный, непривлекательный идеалъ жизни поэта, жизни вѣ всякаго мѣста и времени, удовлетворялъ, однакожь, невзыскательнымъ современнымъ требованіямъ. Въ «Атенеѣ» 1828 года, изд. Михаиломъ Павловымъ, находимъ аллегорическую статью В. Оболенскаго, подъ заглавіемъ «Талантъ и Случай» (часть II, № 5, стр. 86), — статью забавную по своей непритворной наивности. Содержаніе ея состоитъ въ томъ; что Талантъ встрѣтился съ Случаемъ, и они стали странствовать вмѣстѣ по свѣту; но Талантъ скоро распрощался съ своимъ спутникомъ, потому что «не хотѣлъ

(*) Стихотвореніе это было первоначально напечатано въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» («Соревнователь») 1822 г., ч. XVIII, стр. 351, съ подписью — А. — Въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига оно напечатано подъ заглавіемъ «Домикъ»: въ первомъ изданіи на стр. 95, а въ смирдинскомъ — на стр. 69, съ замѣною въ шестой строкѣ слова *запертъ* словомъ *замкнутъ*.

быть игрушкою Случая», и не нашелъ лучше мѣста, чтобъ поселиться, какъ.... гдѣ бы вы думали?...

«За далью туманной,
За дикою горой....» и т. д.

Почти такую же неудачную вариацию на ту же тему представляетъ слѣдующее стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Моя хижина», еще нигдѣ неапечатанное:

«Когда я въ хижинѣ моей
Согрѣтъ подъ стеганымъ халатомъ....
Гляжу съ улыбкою въ окно:
Вотъ мой ручей, мои посѣвы,
Изъ гроздій брызжетъ тутъ вино,
Тамъ птицъ домашнихъ полны хлѣвы;
Въ водѣ глядится тучный волъ,
Телицъ протяжно призывая, —
Все это въ праздничный мой столъ
Жена украситъ молодая.
А вы, моихъ безпечныхъ лѣтъ
Товарищи въ весельи, въ горѣ, —
Когда я просто былъ поэтъ,
И свѣта не пускался въ море....
Усадьтесь безъ чиновъ со мной,
Къ бокаламъ протяните руки,
Старинны пѣсни запоемъ,
Отрѣжемъ крылья у веселья,
Поговоримъ о томъ, о семъ
Краснорѣчивые съ похмѣля!»

Убѣжденія Дельвига находимъ еще въ слѣдующемъ стихотвореніи, написанномъ «Въ альбомъ А. Н. В.—фъ», которое было напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 годъ (стр. 329) и перепечатано въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига (въ первомъ — на стр. 27, а въ смирдинскомъ — на стр. 17):

«Въ судьбу я вѣрю съ юныхъ лѣтъ.
Ея внушеніямъ покорный....
Но увлеченъ былъ мыслью вздорной,
Мнѣ объявившей: ты поэтъ.

Всегда въ пути моемъ тяжеломъ
Судьба мнѣ спутницей была,
Она мнѣ душу отвела
Въ пріютъ дружества веселомъ,
Гдѣ васъ узналъ я, гдѣ яснѣй
Моя душа заговорила,

И блескъ Гименовыхъ свѣчей
Пророчественно полюбила.
Такъ при уходѣ зимнихъ дней,
Какъ солнце взглянетъ взоромъ вешнимъ,
Еще до зелени полей
Весны пѣвица въ краѣ здѣшнемъ
Плѣняетъ пѣсню своей.»

Чисто эпикурейское воззрѣніе на жизнь и природу, составляющее отличительный характеръ большей части мелкихъ стихотвореній Дельвига, всего опредѣлительнѣе выразилось въ его неизданномъ посланіи къ Евгенію Баратынскому, написанномъ по случаю прѣзда его въ Петербургъ и приводимомъ ниже, и въ слѣдующемъ неизданномъ стихотвореніи:

ВЪ ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНЬЯ.

«Съ годомъ двадцать мнѣ прошло!
Я ширю, други, съ вами,
И шампанское въ стекло
Льется пѣнными струями.
Дай намъ, благостный Зевесъ,
Встрѣтить новый вѣкъ съ бокаломъ!
О, тогда съ земли, безъ слезъ,
Смерти мирнымъ покрываломъ
Завернувшись, мы уйдемъ,
И за мрачными брегами
Встрѣтятся съ милыми тѣнями,
Тѣнь Ли себя нальемъ.»

Вотъ еще небольшой, неизданный отрывокъ, найденный на отдѣльномъ листкѣ и, по направленію, весьма сходный съ только что приведеннымъ стихотвореніемъ:

«Мы весело свои кончали дни!
Что до чужихъ? пускай летятъ они,
Въ двухъ сторонахъ экваторъ разсѣкая!
Но мы бѣ друзей подъ вечеръ оставляя,
Фортуны вслѣдъ не думали бѣжать.»

Этому взгляду на жизнь вполне соответствовала и взглядъ на значеніе поэта, выраженный въ неизданномъ стихотвореніи *Поэтъ*. Основная мысль его заключается въ томъ, что поэтъ блаженъ въ самомъ себѣ.

Приведенныя нами стихотворенія достаточно объясняютъ воззрѣнія Дельвига. Постараемся объяснить тѣмъ же путемъ его личный характеръ и наклонности, независимо отъ его убѣжденій.

Главною, отличительною чертою характера Дельвига были, как уже сказано выше, лѣнность и беззаботность, вполне соответствовавшія его эпикуреизму.

На основаніи этого отличительнаго свойства своей природы, Дельвигъ, въ авто-эпитафій, написанной въ альбомѣ покойному Илличевскому, такъ опредѣлилъ значеніе своей жизни:

«Что жизнь его? протяжный сонъ.

Что смерть? отъ грезъ ужасныхъ пробужденье.... (*)

Ту же самую мысль находимъ и въ слѣдующей авто-эпитафій (экспромтъ), нигдѣ не напечатанной:

«Прохожій! здѣсь лежитъ философъ человекъ:

Онъ проспалъ цѣлый вѣкъ.»

Довольство въ жизни и даже счастье нашего поэта не требовало невозможныхъ или трудно достигаемыхъ условій: оно вполне зависѣло отъ него, обуславливаясь только беззаботностью и сибаритствомъ, и потому, не безъ нѣкотораго основанія, можно видѣть искренность въ слѣдующей эпитафій къ самому себѣ, напечатанной въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности» 1821 года, (ч. XIII, стр. 385), и пропущенной въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига:

«Завидуйте моей судьбѣ!

Меня счастливицы не искали,

Я вѣкъ не думалъ о себѣ,

А не видалъ въ глаза печали.»

Впрочемъ, въ стихотвореніяхъ Дельвига, несмотря на субъективность многихъ изъ нихъ, такъ мало дѣйствительно пережитаго и пережитаго, онъ такъ часто радуется своему счастью и въ то же время жалуется на свое несчастье, что весьма трудно опредѣлить, на основаніи ихъ, степень нравственнаго довольства и состояніе души поэта въ данное время.

Такую же систематическую беззаботность, такое же постоянное поклоненіе Морфею, этому волшебному исцѣлителю душевныхъ мукъ, какъ называетъ его Пушкинъ, встрѣчаемъ и въ слѣдующемъ неизданномъ стихотвореніи Дельвига:

(*) Эта эпитафій написана въ альбомѣ Илличевскому подъ заглавіемъ «Эпитафій Дельвигу», съ подписью — Д.—, и сообщена автору этой статьи братомъ покойнаго поэта П. Д. Илличевскимъ. Она была напечатана, съ нѣкоторыми исправленіями, въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 года (часть I, мартъ, стр. 62) и въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига, подъ заглавіемъ «Эпитафій»: въ первомъ — на стр. 130, а въ смиренскомъ — на стр. 97.

Въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига она измѣнена.

ЛЕКАРСТВА ОТЪ НЕСЧАСТІЙ.

«Если мнѣ объявятъ боги:
«Здѣсь ты горе-будешь пить!»
Я скажу: «вы очень строги,
Но я все жъ останусь жить.»

Горько мнѣ? я раздѣляю
Слезы съ милой въ тишинѣ....

Мнѣ великую науку
Дѣдъ мой докторъ завѣщалъ:
Дружбою, онъ пишетъ, скуку
И печаль я исцѣлялъ;

Отъ любви лечилъ несчастной
Состарѣвшимся виномъ;
Вообще же безопасно
Всѣ лечить несчастья сномъ.»

Въ неизданномъ стихотвореніи («Къ Ласточкѣ») поэтъ жалуется на докучную ласточку, будившую его своимъ крикомъ каждое утро,

«едва зарумянится
Небо алой зарей, и бѣдная Цинтія
Тамъ, въ туманы покатится.»

А это любимое
Время рѣзвыхъ дѣтей Морфея, цѣлительный
Сонъ на смертныхъ люющаго.

Ихъ крылатой толпѣ Зефиры предшествуютъ,
Съ ними самъ Купидонъ летаетъ къ любовникамъ
Образъ милыхъ казать, и счастьемъ мечтательнымъ
Тѣшить жертвы Кипридины.»

Если нужны постороннія письменныя свидѣтельства о характерѣ и наклонностяхъ Дельвига, то приводимъ стихотвореніе П. А. Плетнева подъ заглавіемъ «Стансы къ Д***» («Сѣверные Цвѣты» на 1826 годъ, стр. 12), — стихотвореніе, въ которомъ мѣтко обрисованъ нашъ беззаботный поэтъ:

«Д***, какъ бы съ нашей лѣнью
Хорошо въ деревнѣ жить,
Подъ наслѣдственною сѣнью
Липецъ прадѣдовскій пить;

Беззаботно въ полдень знойный
Отдыхать въ саду густомъ;
Вытти подъ вечеръ спокойный
Передъ сладкимъ долгимъ сномъ!»

Ждать по утру на постель,
Не зайдет ли муза къ намъ;
Позабыть всё дни въ недѣль
Называть по именамъ,

И съ любовью неревнивой,
Безъ чиновъ и безъ хлопотъ,
Какъ въ Сатурновѣ вѣкъ счастливый,
Провожать за годомъ годъ.»

Образъ жизни и наклонности Дельвига едва ли преувеличены въ этомъ стихотвореніи. Дѣйствительно, онъ любилъ лежать поспѣшенія музы, лежа въ постели, и проводилъ иногда въ этомъ ожиданіи цѣлые дни. Дельвигъ вообще спалъ необыкновенно много. Однажды, вообразивъ, что онъ страдаетъ бессонницей, Дельвигъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ лицейскихъ товарищей, принялъ опіуму. Пріятель проснулъ безъ просыпу болѣе двухъ сутокъ, проснувшись отправился къ Рахмановой, теткѣ Дельвига, и уже тамъ узнали объ этомъ (*).

Эта слабая сторона Дельвига, придававшая ему въ пріятельскомъ кружкѣ какой-то поэтической, отличительный характеръ, не разъ давала его недоброжелателямъ, которыхъ даже и у Дельвига было много, поводъ къ ожесточеннымъ насмѣшкамъ. Въ числѣ многочисленныхъ эпиграммъ, написанныхъ на Дельвига, нѣкоторыя исключительно направлены на его лѣнь и сонливость.

Въ «Благонамѣренномъ» 1822 года, извѣстномъ своею ненавистью къ ново-романтической школѣ и вообще ко всемъ новымъ дарованіямъ, явилась (часть XIX, стр. 446) слѣдующая «Эпитафія баловню-поэту» — прозвище, подъ которымъ, какъ увидимъ, не разъ былъ выводимъ Дельвигъ въ журналѣ Измайлова. Вотъ она:

«Его будили — нынѣ нѣтъ, —
Теперь-то счастливъ нашъ поэтъ.»

Это двустишіе подписано было буквами *Б. А. А. Д.* (т. е. *Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ*), долженствовавшими еще опредѣлительнѣе указать лицо, противъ котораго была направлена насмѣшка. Многие думали даже, основываясь на этой весьма ясной подписи, что эпитафія написана самимъ Дельвигомъ; но въ то время онъ находился въ отношеніяхъ далеко недружественныхъ къ издателю «Благонамѣреннаго», и потому не участвовалъ въ его журналѣ.

Со времени появленія, въ 1820 году, «Руслана и Людмилы» Пушкина, поэмы, положившей основаніе новой романтической школѣ,

(*) Сообщено кн. Д. А. Э.

«Благонамѣренный» и за нимъ цѣлая фаланга писателей стали во враждебное положеніе къ этой, уже овладѣвшей общимъ вниманіемъ школѣ. Слѣдовательно, даже по этимъ отношеніямъ Дельвигъ съ 1820 года не могъ участвовать въ «Благонамѣренномъ»; притомъ же онъ никогда не подписывался такимъ образомъ и, по направленію эпитафіи, не подписалъ бы подъ нею даже начальныхъ буквъ своего имени и фамиліи. Эпитафія, несмотря на убѣдительную подпись, принадлежитъ не Дельвигу, какъ намъ достоверно извѣстно.

Въ той же части «Благонамѣреннаго» (1822 года, часть XIX, стр. 512) находимъ не лишнюю остроумія слѣдующую надпись

КЪ ПОРТРЕТУ NN.

«Онъ, говорятъ, охотникъ спать —
Однакожь въ сто одномъ посланъ
Онъ доказать имѣлъ желанье,
Что онъ охотникъ усыплять.»

Стихотвореніе это явилось съ подписью *Д.*, для большаго еще вразумленія читателей касательно цѣли.

А. Д. Галаховъ, при обзорѣ «Благонамѣреннаго», въ статьѣ объ Измайловѣ (Современникъ 1850 года, № XI), приводитъ объ эпиграммѣ и проситъ обратить вниманіе на подпись именъ сочинителей (стр. 28 и 29). Исполняя желаніе почтеннаго автора, можемъ утвердительно сказать, что надпись къ портрету сочинена не Дельвигомъ, что намъ извѣстно изъ самаго достовернаго источника, т. е. отъ самого автора; эпитафія же принадлежитъ или Измайлову, или, что гораздо вѣроятнѣе, тому же автору.

Въ «Литературныхъ Листкахъ» 1824 года, журналѣ нравовъ и словесности, изданномъ г. *Ф. Булгаринымъ*, находимъ (№ XI и XII, въ одной книжкѣ, стр. 418) «Отрывокъ изъ письма лѣнливаго къ дѣятельному», съ подписью *С...въ*. Лѣнь въ этомъ «Отрывкѣ» (на двухъ страницахъ) выражена такими общими чертами, что не можемъ сказать утвердительно, имѣлъ ли авторъ въ виду Дельвига, или кого другого, и потому, не опираясь на этотъ фактъ, внесимъ его въ нашъ рассказъ подъ большимъ сомнѣніемъ. Но, чтобы читатели могли сами судить объ этомъ «Отрывкѣ», приводимъ изъ него нѣсколько строкъ:

«Ты удивляешься, любезный другъ, что я всегда исполняю свои обязанности, а въ домашней жизни лѣнивъ до такой степени, что ты всегда застаешь меня лежащимъ. Мы различно опредѣляемъ лѣнь. Признаюсь, что принятый мною образъ жизни есть плодъ моихъ разсужденій: я нахожу, что горизонтальное положеніе есть самое нату-

ральное для челоѣческаго тѣла, и что всякое другое — есть искусственное, требующее напряженія.» (Стр. 413.)

Далѣе авторъ говоритъ :

«Честолюбіе указываетъ мнѣ вѣнцы, пышность славы; корыстолюбіе осыпаетъ меня золотомъ, предлагаетъ средства приобрести оное; любовь сквозь полупрозрачную завѣсу показываетъ мнѣ юную Аспазію, развиваетъ ея кудри, рисуетъ легкой станъ, розовыя уста. Всѣ эти призраки манятъ меня къ себѣ; стремлюсь — но разсудокъ бодрствуетъ, онъ говоритъ мнѣ: ложись — и мечты засыпаютъ.» (Стр. 414.)

Судя даже по этимъ безцвѣтнымъ отрывкамъ, гораздо вѣроятнѣе, что это одно изъ весьма обыкновенныхъ въ то время сочиненій на заданную тему, состоявшую въ томъ, чтобъ показать противоположности двухъ характеровъ: дѣятельнаго и лѣниваго, и едва ли кого нибудь имѣлъ въ виду авторъ письма. Во всякомъ случаѣ онъ не достигъ своей цѣли.

Служебное поприще Дельвига было неблестительно.

Мы прослѣдимъ теперь же всю его службу, чтобы болѣе не возвращаться къ этому предмету.

Дельвигъ началъ службу въ Департаментѣ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ 6 июля 1817 года ⁽¹⁾, съ жалованьемъ по 700 рублей ассигнаціями въ годъ ⁽²⁾. Поэтъ нашъ былъ плохимъ чиновникомъ: литературное направленіе овладѣло имъ исключительно, и хотя служба не отнимала у него много времени, но Дельвигъ года черезъ полтора, именно 28 февраля 1819 года, вышелъ въ отставку. ⁽³⁾ Скудные средства его не позволяли ему жить независимо, и потому черезъ мѣсяць, именно 2 апрѣля того же года, онъ опредѣлился въ Канцелярію Министерства Финансовъ ⁽⁴⁾ и болѣе года состоялъ въ ней по третьему ея отдѣленію. 16 августа 1820 года онъ былъ произведенъ за выслугу лѣтъ въ титулярные совѣтники, а 1 октября 1821 года уволенъ изъ Канцеляріи Министерства Финансовъ, по прошенію. Съ сентября 1820 года Дельвигъ частнымъ образомъ занимался въ Публичной Библиотекѣ и исправлялъ обязанность помощника библиотечкаря. ⁽⁵⁾

⁽¹⁾ Формулярный списокъ о службѣ Дельвига 1829 года.

⁽²⁾ «Связь Отечества» 1817 года, № XXVI, Сибѣс.

⁽³⁾ Формулярный списокъ Дельвига.

⁽⁴⁾ Тамъ же.

⁽⁵⁾ Тамъ же.

Въ *Воспоминаніи о Дельвигѣ (Wspomnienie o Delwigu)* небольшой, но наполненной ошибками, статейкѣ въ «Tygodnik petersburski» (Część III, № 9, rok 2 (1831), Wtorek 3 Lutego, стр. 66), сказано: «Wziąwszy nauki w liceum Carsko-Sielskiem, wszedł do służby publicznej w lutejszej Cesarskiej bibliotece», т. е.: «по окончаніи курса въ Царскосельскомъ Лицеѣ, онъ поступилъ на службу въ дѣльвиную Императорскую Библиотеку.» Мы видѣли сейчасъ, что это это не-вѣрно и что Дельвигъ началъ службу въ Министерствѣ Финансовъ.

Публичная Библиотека, открытая 2 января 1814 года, по своему личному составу въ то время, была лучшею представительницею современнаго просвѣщенія и литературы. Директоромъ Библиотеки тогда былъ покойный статсъ-секретарь и членъ Государственнаго Совѣта А. Н. Оленинъ, а помощникомъ ему съ 1812 года былъ назначенъ бывшій послѣ министромъ народнаго просвѣщенія, нынѣ президентъ Академіи Наукъ, графъ С. С. Уваровъ. Корреспондентами нашей словесности: Крыловъ, Батюшковъ, Гнѣдичъ и Загоскинъ, долго были въ ней библиотечкарями. Изъ нихъ Батюшкова и Загоскина Дельвигъ не засталъ въ Публичной Библиотекѣ: первый въ 1812 году вступилъ снова въ военную службу и, увлеченный политическими событіями, участвовалъ въ походахъ 1813 и 1814 годовъ; въ 1816 былъ уволенъ отъ военной службы, а съ 1818 года находился нѣсколько лѣтъ въ Неаполѣ при русскомъ посольствѣ ⁽¹⁾; второй оставилъ службу въ Библиотекѣ и перешахъ; по семейнымъ обстоятельствамъ, въ Москву мѣсяца за два до поступленія Дельвига въ Библиотеку. ⁽²⁾ Кромѣ ихъ въ Библиотекѣ служили: первый русскій библиографъ Сопиковъ, извѣстные наши филологи А. Х. Востоковъ и Н. И. Гречъ, покойный лексикографъ Эртель ⁽³⁾, переводчикъ «Ифигеніи» и «Федры» Расина, покойный академикъ Лобановъ, и первый поощритель музыки Крылова, содержатель типографіи и книгопродавецъ-издатель Брейткопфъ, которому Крыловъ продалъ свое первое произведеніе, написанную имъ на пятнадцатомъ году оперу «Кофейницу». ⁽⁴⁾ Въ этотъ кругъ современныхъ литературныхъ и ученыхъ знаменитостей былъ введенъ и Дельвигъ.

⁽¹⁾ «Опытъ краткой исторіи русской литературы», стр. 377 и 378.

«Энциклопедическій Лексиконъ.» Т. V, статья о Батюшковѣ В. Т. II. (Плаксива), стр. 96.

«Полная Русская Хрестоматія» А. Д. Галахова. Часть III. Примѣчанія ко второй части, стр. 73 и 74.

⁽²⁾ «Биографія Михаила Николаевича Загоскина» С. Т. А—ва («Москвитинъ» 1853 г. № I. Кн. 1). Замѣтимъ кстати, что на стр. 30 этой биографіи сказано, что въ 1820 году, въ іюнь, Загоскинъ по семейнымъ обстоятельствамъ перешахъ въ Москву, гдѣ и продолжалась вся остальная литературная его дѣятельность, а на стр. 27 той же биографіи читаемъ, что 5-го іюля 1820 года (т. е. уже послѣ переезда въ Москву) онъ оставилъ службу въ должности штатнаго помощника библиотечкаря. Когда же онъ въ самомъ дѣлѣ оставилъ службу и перешахъ въ Москву, и какъ объяснить это противорѣчіе?

⁽³⁾ «Путеводитель по Императорской Публичной Библиотекѣ.» Спб. 1852 г. Стр. 18.

⁽⁴⁾ «Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова», П. А. Плетнева, стр. XI, XIV и LIII.

Замѣтимъ кстати, что Публичная Библиотека открыта не въ 1812 году, какъ говорить въ своей статьѣ П. А. Плетневъ, а въ 1814, какъ сказано выше. Въ 1812 г. дѣйствительно все было готово къ открытію Библиотеки, какъ вдругъ нашествіе

2 октября 1821 года Дельви́гъ былъ окончательно опредѣленъ въ Публичную Библиотеку помощникомъ библиотекаря, а 17 января 1822 года, съ разрѣшенія Комитета Министровъ, по представленію начальства Библиотеки, награжденъ единовременно выдачею изъ экономической суммы Библиотеки 1000 рублей ассигнаціями, за исправленіе, въ продолженіе года и одного мѣсяца, порученныхъ начальствомъ Библиотеки трудовъ до опредѣленія его въ должность помощника библиотекаря. (*) Дельви́гъ по своимъ занятіямъ въ Библиотекѣ былъ помощникомъ И. А. Крылова, занимавшимъ въ то время, послѣ Сопикова, должность библиотекаря русскаго отдѣленія. Но Дельви́гъ былъ плохимъ помощникомъ въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, а особенно въ такомъ, гдѣ трудолюбіе и аккуратность — первыя условія. О степени дѣятельности нашего поэта въ этой сферѣ можемъ судить по слѣдующимъ строкамъ въ статьѣ П. А. Плетнева «Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова»: «Особенно началъ хлопотать Крыловъ по своей должности, когда опредѣлился къ нему въ помощники баронъ Дельви́гъ, столь же безпечный чиновникъ, сколько былъ онъ и безпечнымъ поэтомъ. Крыловъ скоро догадался, что прошли для него счастливыя годы, какими онъ былъ обязанъ смѣшности и трудолюбію Сопикова. Это однако же не довело до ссоры двухъ поэтовъ, равно лѣнивыхъ, но равно и уважавшихъ другъ въ другѣ истинное дарованіе. По возможности они кое-какъ несли вмѣстѣ общее бремя.» (Стр. LXIV.)

Крыловъ, которому было тогда уже пятьдесятъ-два года, полюбилъ молодого поэта, и сохранилъ постоянное къ нему расположеніе. Доказательствомъ этого расположенія можетъ служить дѣятельное участіе его въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», издававшихся впоследствии Дельви́гомъ, въ которыхъ, кромѣ шести басенъ (именно «Муха и Пчела», «Богачъ и Поэтъ», «Прихожанинъ», «Бритвы»,

непріятеля измѣнило всѣ предположенія. Послѣ вторженія въ Россію французовъ и быстрого приближенія ихъ къ Москвѣ, стали думать уже не объ открытіи Библиотеки, а только о спасеніи ея сокровищъ. Всѣ рукописи и рѣдкія или болѣе цѣнныя книги, числомъ до 150,000 томовъ, были укупорены въ 180 огромныхъ ящиковъ, и въ сентябрѣ 1812 года отправлены водою съ подбиблиотечаремъ Сопиковымъ (извѣстнымъ составителемъ перваго у насъ по времени библиографическаго труда: «Опытъ россійской библиографіи») въ Олонецкую губернію, гдѣ и оставались въ деревнѣ Устланкѣ около трехъ мѣсяцевъ. Разборъ и новая установка возвращенныхъ книгъ и рукописей, требовавшіе немало времени, а также окончательныя работы въ зданіи Библиотеки приступили къ ея открытію не прежде 1814 года. Торжественное открытіе Библиотеки послѣдовало 2-го января, въ память посѣщенія ея Императоромъ Александромъ въ тотъ же день славнаго въ нашей исторіи года. («Путеводитель по Императорской Публичной Библиотекѣ», стр. 19 и 20).

(*) Формулярный списокъ Дельви́га.

«Бѣдный Богачъ» и «Пушки и Паруса»); помѣщены еще: «Посланіе къ А. Н. Оленину» и «Эпитафія» — исключеніе, сдѣланное только въ пользу Дельви́га, потому что, со времени «Посланія о пользѣ страстей» («Драматическій Вѣстникъ» 1808 года), Крыловъ не давалъ въ печать ничего кромѣ басенъ.

Служба въ Публичной Библиотекѣ давала Дельви́гу прекрасный случай довершить свое литературное образованіе и вѣрнымъ путемъ труда и науки итти къ достиженію сознательной цѣли. Не можемъ сказать, чтобы Дельви́гъ вполнѣ воспользовался этимъ случаемъ; но занятія въ Библиотекѣ, безъ сомнѣнія, имѣли нѣкоторое вліяніе на его музу: въ произведеніяхъ его стало яснѣе высказываться опредѣленное направленіе; антологія и романсы были оставлены для идиллій, требовавшихъ уже болѣе основательнаго знакомства съ классическимъ міромъ, и даже въ отношеніи формы замѣтно менѣе снисходительности. (1)

Прослуживъ около пяти лѣтъ въ Публичной Библиотекѣ, Дельви́гъ снова оставилъ службу, и 29 мая 1825 года былъ уволенъ изъ Библиотеки, по прошенію, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ. По истеченіи двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ отставкѣ, Дельви́гъ опредѣленъ былъ, 31 іюля того же года, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ для особыхъ порученій. По Высочайшему именному указу, данному Правительствующему Сенату 6 декабря 1826 года, Дельви́гъ пожалованъ въ коллежскіе ассесоры со старшинствомъ со времени выслуги въ чинѣ титулярнаго совѣтника узаконеннаго срока, т. е. съ 16 октября 1824 года. Въ февралѣ 1828 года Дельви́гъ былъ командированъ на слѣдствіе по заготовленію въ бывшей Слободско-Украинской губерніи провіанта для войскъ по высокимъ цѣнамъ. (2) Всю весну и большую часть лѣта этого года Дельви́гъ провелъ въ Южной Россіи, и, по окончаніи слѣдствія, въ іюль того же года, возвратился черезъ Москву въ Петербургъ. (3) На осно-

(1) Въ біографіи Дельви́га, помѣщенной въ «Дневникѣ Отечественныхъ Воспоминаній» 1840 года (выпускъ первый, январь, стр. 42), сказано, что Дельви́гъ «особенно умѣлъ воспользоваться назначеніемъ своимъ въ должность помощника библиотекаря Императорской Публичной Библиотеки; здѣсь онъ изучилъ все, что могъ и что питало и усиливало любовь его къ истинному и прекрасному, и сталъ литераторомъ въ достойномъ смыслѣ этого слова.» Значать ли чтонибудь, и потому заслуживаютъ ли опроверженія подобныя этому общія мѣста, которыя приходится встрѣчать почти во всякой біографіи? Право, пора уже оставить старинное *de mortuis aut bene aut nihil*, благодаря которому всѣ біографіи становятся, какъ двѣ капли воды, похожими другъ на друга, и изъ нихъ никогда не узнаешь правды.

(2) Формулярный списокъ Дельви́га.

(3) Формулярный списокъ Дельви́га и «Московскій Телеграфъ», изд. Н. А. Полевымъ, 1828 года, часть 22. Разныя извѣстія, стр. 457.

ванія журнала, утвержденного министромъ внутреннихъ дѣлъ, Дельвигомъ, 24 ноября 1828 года, былъ причисленъ къ Хозяйственному Департаменту, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, и состоялъ въ этой должности болѣе года; 5 декабря 1829 года онъ былъ уволенъ изъ Хозяйственного Департамента для опредѣленія по Департаменту Главнаго Управленія Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, въ которомъ также состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій. Въ этой должности онъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника и занималъ ее до самой смерти. (1831 г.) (*)

Служебное поприще Дельвига, какъ видятъ читатели, было неблистательно. Дельвигомъ часто то перемѣнялъ службу, то оставлялъ ее вовсе. Вообще онъ избѣгалъ обязанностей, требовавшихся постоянныхъ, ежедневныхъ занятій, и болѣе числился, нежели служилъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ ограничивался въ своихъ мнимыхъ служебныхъ занятіяхъ разсказами новостей и анекдотовъ; вокругъ него собиралась толпа слушателей, и смѣхъ ее долго не умолкалъ ни на минуту. Автору предлагаемой статьи не разъ случалось говорить о Дельвигомъ, какъ о чиновникѣ, съ его прежними сослуживцами, и всѣ они согласны въ томъ, что Дельвигомъ былъ прекрасный товарищъ, добрый малый, забавный разсказчикъ, но — чиновникъ безпечный до послѣдней степени.

Доказательствомъ нѣкотораго уваженія, которое при самомъ вступленіи въ свѣтъ пріобрѣлъ уже Дельвигомъ какъ писатель, можетъ служить избраніе его въ члены ученыхъ и литературныхъ обществъ.

Въ первый же годъ послѣ выпуска Дельвига изъ Лицея, именно въ 1818 году, Высочайше утвержденное Санктпетербургское Общество Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ избрало его въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ.

Общество это основано было въ 1801 году, 15 іюля. Нѣсколько молодыхъ людей, воспитанниковъ Академіи Наукъ, условились собираться для чтенія своихъ сочиненій и переводовъ и для сообщенія другъ другу замѣчаній. Основателями Общества были: Борнъ, Попугаевъ, Димитріевъ, Лангенъ, Волковъ и Красовскій. Къ нимъ присоединились скоро и другіе молодые же любители словесности. Собранія бывали каждую недѣлю, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ. Въ первый же годъ своего существованія Общество издало небольшое собраніе стихотвореній своихъ членовъ подъ заглавіемъ «Свитокъ Музъ». Въ этомъ изданіи особенное вниманіе публики обратили на себя стихотворные опыты А. Х. Востокова. На слѣдующій

(*) Формулярный списокъ Дельвига.

годъ вышла вторая книжка «Свитка Музъ». Но главное занятіе Общества составляли переводы ученыхъ сочиненій, именно: Вентама, Монтескье, Мабли, Филанджіери, Беккариа, Румфорда, Канара и проч., изъ которыхъ, однакожъ, немногіе были напечатаны и даже окончены. Между тѣмъ кругъ Общества распространялся, число членовъ его увеличивалось, и 26 ноября 1803 года Государь Императоръ Александръ Павловичъ утвердилъ уставъ Общества. Впослѣдствіи Общество намѣрено было приступить къ изданію своихъ трудовъ, но привело это въ исполненіе не прежде 1812 года. Въ 1812 году Общество начало издавать ежемѣсячный журналъ подъ названіемъ «Санктпетербургскій Вѣстникъ». Но вторженіе непріятеля въ Россію разстроило занятія Общества: болѣшая часть членовъ вступила въ арміи или въ ополченія; многіе изъ находившихся въ гражданской службѣ отправлены были отсюда своими начальствами съ разными порученіями. Въ столицѣ оставалось не болѣе шести членовъ, и Общество, по необходимости, принуждено было въ 1813 году прекратить свои засѣданія. Собранія Общества возобновились въ концѣ 1816 года, подъ предсѣдательствомъ А. Е. Измайлова. Труды членовъ, представленные съ того времени, напечатаны или особыми изданіями, или въ журналахъ «Сынъ Отечества» и «Благонамѣренный». Измайловъ, въ торжественномъ собраніи Общества 15 іюля 1820 года, признался, что онъ не въ состояніи былъ бы издавать «Благонамѣренный», еслибъ его сочлены не сообщали ему своихъ произведеній. Общество не имѣло отдѣльнаго изданія своихъ трудовъ. (*) Собранія Общества происходили въ Михайловскомъ замкѣ.

Дельвигомъ, какъ членъ Общества, напечаталъ въ «Благонамѣренномъ» слѣдующія стихотворенія: 1) «Къ Доридѣ» (часть I, стр. 290), перепечатанное, съ большими исправленіями, изъ «Россійскаго Музеума», и напечатанное въ смирдинскомъ изданіи на стр. 43, въ исправленномъ видѣ, 2) «Къ Темирѣ» (часть II, стр. 11), перепечатанное, съ перемѣнами, изъ «Россійскаго Музеума», и пропущенное въ смирдинскомъ изданіи, 3) «А. С. Пушкину» (изъ Малороссіи) (часть II, стр. 13, пропущенное въ изданіи г. Смирдина), 4) «Къ Илличевскому» (часть IV, стр. 267), также пропущенное въ изданіи г. Смирдина; 5) «Къ Мальчику» (часть V, стр. 335), перепечатанное въ смирдинскомъ изданіи на стр. 107, съ нѣкоторыми

(*) Эти краткія свѣдѣнія о существованіи Общества заимствованы изъ рѣчи предсѣдателя въ торжественномъ собраніи Общества 15 іюля 1820 г., напечатанной въ «Благонамѣренномъ» 1820 г. № XIV, стр. 117. Они же были напечатаны, но безъ указанія источника, въ статьѣ А. Д. Галахова объ Измайловѣ («Современникъ» 1850 г., № X, стр. 80 и 81).

исправлениями, и 6) «Е. А. Б...вой» (часть IX, стр. 116), пропущенное у г. Смирдина. Первые пять стихотворений были напечатаны съ полною подписью фамилии поэта; послѣднее же явилось съ подписью Д., какъ сказано въ началѣ этой статьи. Въ собраніи Общества 17 іюня 1820 года Дельвиго читалъ свою элегію «Видѣніе, напечатанную въ «Соревнователѣ» и пропущенную въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига.

Замѣтимъ кстатѣ, что А. Д. Галаховъ, въ своей любопытной статьѣ «Измайловъ какъ не-баснописецъ» («Современникъ» 1850 г. № X, стр. 77), обозрѣвая стихотворный отдѣлъ «Благонамѣреннаго», говоритъ, что въ немъ Дельвиго принадлежатъ *четыре* посланія, пропуская пятое — «Къ Доридѣ», и шестое — «Е. А. Б...вой». Всѣхъ стихотвореній Дельвига, какъ сказано уже выше, въ «Благонамѣренномъ» напечатано *шесть*, и всѣ они, по своей формѣ, посланія.

Въ 1819 году, 22 сентября, то есть черезъ два года послѣ выпуска Дельвига изъ Лицея, Высочайше утвержденное Вольное Общество Любителей Россійской Словесности, на основаніи 35 § своего Устава, приняло Дельвига въ члены-сотрудники. (1) Общество это собиралось тогда подъ предѣлательствомъ Ф. Н. Глинки, бывшаго тогда полковникомъ гвардіи Измайловскаго полка. (2)

Въ слѣдующемъ году Общество Любителей Россійской Словесности, какъ сказано въ его запискахъ (3), «отдавая должную справедливость трудамъ и усердію» (2), въ числѣ прочихъ, Дельвига, и найдя представленныя имъ произведенія «достойными особеннаго уваженія», въ засѣданіи 31 октября опредѣлило, на основаніи §§ 26 и 37 первой части своего Устава, произвестъ его въ дѣйствительные члены.

Дельвиго, впрочемъ, точно принималъ довольно дѣятельное участіе въ занятіяхъ Общества не только помѣщеніемъ въ его «Трудахъ» своихъ произведеній, но даже оцѣнкою поступающихъ въ Общество сочиненій и чтеніемъ ихъ въ засѣданіяхъ. Такъ, на основаніи §§ 44 и 45 первой части устава Общества, Дельвиго былъ избранъ, въ числѣ другихъ, по балотировкѣ, членомъ ценсурнаго комитета Об-

(1) «Труды Высочайше утвержденаго Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности». («Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія». 1818 г., часть VII, стр. 243, Записки Общества.)

(2) Краткая біографія Ф. Н. Глинки напечатана въ «Русскомъ Инвалидѣ» или «Военныхъ Вѣдомостяхъ» 1822 г. № 9, стр. 36.

(3) «Труды Общества Любителей Россійской Словесности». 1819. Часть VIII, стр. 113.

щества на первую половину 1820 года. Товарищами Дельвига, по этому назначенію были И. И. Лобойко и П. А. Плетневъ. (1)

По балотировкѣ на вторую половину того же года Дельвиго былъ снова избранъ въ эту должность вмѣстѣ съ княземъ Н. А. Цертелевымъ (собрателемъ и издателемъ русскихъ народныхъ пѣсенъ) и съ однимъ изъ своихъ лицейскихъ товарищей (2).

Въ засѣданіяхъ Общества читаны были Дельвигомъ: 8 іюня 1820 года: «Разговоръ съ Геніемъ», собственное стихотвореніе, напечатанное въ «Трудахъ» Общества (Часть X, стр. 303), но, какъ водится, пропущенное въ смирдинскомъ полномъ изданіи (3); въ публичномъ же собраніи Общества 28 февраля 1821 года Дельвиго читалъ переведенное дѣйствительнымъ членомъ А. А. Крыловымъ стихотвореніе Мильвуа: «Могила персидскаго поэта» (напечатанное въ «Трудахъ», ч. XIV, стр. 414) (4).

Въ «Трудахъ» Общества напечатано четырнадцать стихотвореній Дельвига, именно:

1) «Къ Діону» (1819 г. Ч. VIII, стр. 81), перепечатанное изъ «Вѣстника Европы» 1814 года; 2) «Утѣшеніе бѣднаго поэта» (ч. VIII, стр. 96); 3) «Къ А. С. Пушкину» (ч. VIII, стр. 103, перепечатанное изъ «Россійскаго Музеума» 1815 года); 4) «Къ Лилетѣ» (1820 г. Ч. IX, стр. 66, перепечатанное, съ небольшими поправками, изъ «Вѣстника Европы» (1814 г., ч. LXXVIII, № 28, стр. 97); 5) «Первая встрѣча» (ч. IX, стр. 194), перепечатанное, съ перемѣнами, изъ «Вѣстника Европы» (1814 г., ч. LXXVIII, № 22, стр. 99), гдѣ оно было напечатано подъ заглавіемъ «Дафна»; 6) «Видѣніе» (ч. IX, стр. 314); 7) «Тихая жизнь» (ч. X, стр. 87); 8) «Разговоръ съ Геніемъ» (ч. X, стр. 303); 9) «Къ Амуру» изъ Геснера (ч. XII, стр. 97); 10) «Къ Шульгину» (ч. XII, стр. 207); 11) «Диоирамбъ» (ч. XII, стр. 212); 12) Романсъ: «Дѣлушка! дѣвицы» (ч. XII, стр. 325); 13) Эпитафія: «Завидуйте моею судьбѣ» (1821 г., ч. XIII, стр. 399), и 14) «Мой домикъ» (1822 г., ч. XVIII, стр. 351).

Изъ нихъ въ смирдинскомъ полномъ собраніи сочиненій Дельвига напечатано только семь: 1) «Къ Діону» (стр. 112), 2) «Къ Пушкину» (стр. 101), 3) «Къ Лилетѣ» (стр. 41), 4) «Первая встрѣча» (стр. 108), 5) «Къ Амуру» (стр. 47), 6) «Романсъ» (стр. 110, подъ заглавіемъ

(1) «Труды Общества Любителей Россійской Словесности». 1820. Часть IX. Записки Общества, стр. 107.

(2) «Труды Общества Любителей Россійской Словесности». Часть X. Записки Общества, стр. 381.

(3) «Труды Общества Любителей Россійской Словесности». Часть X. Записки Общества, стр. 378.

(4) «Труды Общества Любителей Россійской Словесности». Часть XIII. Записки Общества, стр. 425.

«Пѣсня»), и 7) «Мой Домикъ» (стр. 69, подъ заглавіемъ: «Домикъ»); слѣдовательно, пропущено ровно половина.

Изъ стихотвореній, писанныхъ къ Дельвигу и ему посвященныхъ, въ «Трудахъ» Общества напечатаны: «Поэты» (ч. X, стр. 71), «Перелетная птичка» (ч. X, стр. 306), съ надписью: *Б-ну А. А. Д. л. в. г.* (т. е. Барону А. А. Дельвигу), плохое стихотвореніе Ф. Н. Глинки, бывшего тогда предсѣдателемъ Общества, и «Петръ Великій въ Острогожскѣ», дума (ч. VI, стр. 287), стихотвореніе непонятное.

По свидѣтельству П. А. Плетнева (*), впоследствии времени и Московское Общество Любителей Россійской Словесности, собиравшееся подъ предсѣдательствомъ А. А. Прокоповича-Автонскаго, избрало Дельвига въ число своихъ членовъ; но едва ли онъ принималъ участіе въ трудахъ Общества: по крайней мѣрѣ мы не нашли его имени въ напечатанныхъ протоколахъ и лѣтописяхъ Общества, такъ же, какъ въ «Трудахъ» Общества его сочиненій. (**)

Изъ своихъ лицейскихъ товарищей Дельвигомъ былъ друженъ всѣхъ, послѣ Пушкина, съ покойнымъ поэтомъ Илличевскимъ; но дружба ихъ была кратковременна: переходъ Илличевского на службу въ Сибирь скоро ихъ разлучилъ.

Передъ самымъ выпускомъ изъ Лицея, Дельвигомъ написанъ Илличевскому въ альбомѣ слѣдующее стихотвореніе, до сихъ поръ нигдѣ ненапечатанное:

«Пока поэтъ еще съ тобой,
Онъ можетъ просто, не стихами
Съ твоей бесѣдовать судьбой,
Открытой предъ его глазами.

Но ужъ пророчесвенный гласъ
Мнѣ предсказалъ друзей разлуку,
И Рокъ въ таинственную руку
Ужъ забралъ жребіи для насъ.

Готовься жъ слушать предвѣщанья,
Страшись сей груди трепетанья,
И безпорядка сихъ власовъ!

(*) «Литературная Газета» 1831 года, некрологія Дельвига, написанная П. А. Плетневымъ (№ 4, стр. 31).

(**) Въ «Дневникѣ Отечественныхъ Воспоминаній 1840 г. (выпускъ первый, стр. 42) находимъ то же самое извѣстіе: «Московское Общество Россійской Словесности почтало его призваніемъ на прекрасный трудъ — сомыслить и содѣйствовать съ нимъ во имя отечественнаго образованія. Дельвигомъ на искренній привѣтъ ученыхъ Петербурга и Москвы отвѣчалъ искреннимъ участіемъ въ ихъ священной дѣль». Въ справедливости этого извѣстія мы сомнѣваемся, не находя его подтвержденія въ напечатанныхъ бумагахъ Общества.

Все, все грядущее открою!
Читай, — написаны судьбою
Вотъ строки невидимыхъ словъ...
.....» (*).

Въ томъ же альбомѣ читали мы «Эпитафію Дельвигу», приведенную выше.

Скоро послѣ отъѣзда Илличевского, Дельвигомъ написанъ слѣдующее, пропущенное у г. Смирдина, посланіе

къ ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

Я благотворности труда
Еще, мой другъ, не постигаю!
Лѣниться, говорить, бѣда —
А я въ бѣдѣ сей утопаю,
И пробудившись, забываю,
О чемъ заботился вчера.
Мнѣ иногда твердятъ: «пора
Славить стихи твои станками:
Они раскусятся друзьями,
Друзья имъ прокричатъ: ура!
Веселье за полной чашей.
Тогда, сударь, отъ славы вашей,
Или отъ вашего вина,
Заговорить вся сторона,
Отъ Бельга до Сибири скучной,
Когда съ запиской своеручной
Пойдете другу толстый томъ». —
Все хорошо, но я не въ томъ
Свое блаженство полагаю:
За стихъ не ссорюся съ умомъ,
А риѣму къ риѣмѣ приплетаю,
Глядя лѣниво за перомъ.
Напишетъ мнѣ — я прочитаю:
Я прочитаю и друзьямъ:
Люблю внимать ихъ похвалямъ,
Когда ихъ похвалы достоинъ.
Но я слышалъ: худой тотъ воинъ,
Кто бытъ не думаетъ вождемъ!
Такъ думалъ я, межъ тѣмъ перомъ
Мѣшая истину съ мечтами,

(*) Стихотвореніе это сообщено автору брагомъ поэта П. Д. Илличевскимъ, изъ альбома покойнаго, и находится также въ найденныхъ рукописяхъ Дельвига. Въ этомъ же альбомѣ есть одно изъ лучшихъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина: «Не славный, право, я поэтъ» (Соч. Пушкина, т. IX, стр. 393). Подъ стихотвореніемъ выставлено: 31 мая 1817.

Почти забылъ, что мы съ тобой
 Привыкли говорить сердцами, —
 Забылъ, что другъ далекий мой,
 Прочтя мою систему лѣни,
 Но неизвѣстный о друзьяхъ,
 По почтѣ мнѣ отправить пени
 На мѣсто нѣжныхъ увѣреній,
 Что онъ и въ дальнихъ тѣхъ странахъ
 Своихъ друзей не забываетъ,
 Гдѣ миръ дряхлѣющей во льдахъ
 Красою дивной поражаетъ:
 Что какъ мелькнувшая весна,
 Тамъ оживляетъ все творенье,
 Такъ о друзьяхъ мечта одна
 Его приводитъ въ восхищенье,
 Его уноситъ въ свѣтлый край
 Златыхъ надеждъ, воспоминаній,
 Гдѣ нѣтъ заботъ, гдѣ нѣтъ страданій
 И слова грознаго: *прощай!*
 Будь счастливъ, другъ! не забывай
 Веселыхъ дней очарованья
 И рѣзвыхъ спутниковъ твоихъ!
 Вотъ непритворное желанье
 Далекому отъ круга ихъ,
 Отъ круга радости веселой,
 Гдѣ дружба насъ и сынъ Семелы
 Привыкли часто собирать,
 Гдѣ можно всѣ заботы свѣта
 Съ мундиромъ, съ фраккомъ скидывать,
 Безъ лести похвалить поэта
 И обо всемъ потолковать».

Стихотвореніе это было напечатано въ «Благонамѣренномъ» 1818 года (часть IV, стр. 267), въ обоихъ же изданіяхъ собранія стихотвореній Дельвига пропущено.

Въ первый же годъ послѣ выпуска изъ Лицея, т. е. въ 1817 или 1818 году, Дельвигъ сблизился съ Баратынскимъ, который, по совѣтамъ и подъ вліяніемъ Дельвига, тогда только что начиналъ свое поэтическое поприще. (*)

Сходство характеровъ и занятій, почти одинаковыя лѣта, бѣдность и беззаботность въ самое короткое время сблизили обоихъ по-

(*) Въ статьѣ *Wspomnienie o Delwigu* («Tygodnik petersburgskij», część III, № 9, rok 2 (1831) wtorek, 3 lutego, стр. 66) сказано, что Баратынскій воспитывался съ Дельвигомъ въ Лицее. Это не вѣрно: Баратынскій учился въ Пажескомъ Корпусѣ.

этовъ. Дельвигъ первый возбудилъ Баратынскаго къ поэзии и былъ первымъ руководителемъ его музы. Въ сонетѣ, посвященномъ Н. М. Языкову, Дельвигъ говоритъ:

«Пѣвца *Пирова* (*) я съ музой подружилъ,
 И славою ихъ (**) горжусь въ вознагражденъ» (**).

Въ «Русскомъ Альманахѣ» на 1832 и 1833 годы, изданномъ В. Эртелемъ (однимъ изъ друзей Дельвига) и А. Глѣбовымъ, въ 1832 году, и явившемся въ томъ же году на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Russischer Almanach für 1832 und 1833. Von W. Oertel und A. Gliebrow», съ нѣкоторыми пропусками и прибавленіями, въ статьѣ «Выписка изъ бумагъ дяди Александра» (стр. 240), — въ нѣмецкомъ изданіи: «Aus den Papieren meines Onkels Alexander, хотя неподписанной, но, какъ сообщено автору этой статьи, принадлежащей самому издателю альманаха — Эртелю, напечатано нѣсколько подробностей о Дельвигѣ и Баратынскомъ, касающихся первыхъ трехъ лѣтъ ихъ знакомства. Въ этой статьѣ находимъ описаніе наружности Дельвига, его литературныя убѣжденія и нѣкоторыя черты для его характера. Подробности эти неважнѣтельны, но для полноты монографіи мы пользуемся нѣкоторыми изъ нихъ, и представляемъ въ нашемъ переводѣ тѣ отрывки изъ нѣмецкаго изданія альманаха, которые непосредственно относятся къ нашему предмету, объясняя въ выноскахъ намеки и недоговорки автора, понятные не для всѣхъ читателей. (4)

Начало разсказа, по всей вѣроятности, относится къ 1819 году.

«Разъ, въ воскресенье — говоритъ авторъ названной статьи — Евгений (5) вышелъ изъ дому, рано утромъ; я (6) также намѣренъ

(1) «Пиръ» — описательная поэма Баратынскаго. Она была напечатана въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» 1821 г. Часть XIII, стр. 385; въ 1826 году издана была вмѣстѣ съ «Элою», извѣстною финляндскою повѣстью Баратынскаго же, и вошла въ собраніе его стихотвореній. (Часть II, стр. 35.)

(2) Пушкина и Баратынскаго.

(3) Сонетъ этотъ былъ прежде всего напечатанъ въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности», 1823 г., ч. XXI, стр. 58, потомъ въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига: въ первомъ (1829 г.) — на стр. 85, а во второмъ (смирдинскомъ) — на стр. 61. Кроме того, онъ напечатанъ въ «Полной Русской Хрестоматіи» А. Д. Газахова (часть II, стр. 301).

(4) Названная статья сочинена, вѣроятно, по русски, и потомъ уже переведена на нѣмецкій языкъ. Во всякомъ случаѣ, мы не рѣшаемся приводить отрывки ни изъ одного текста, ни изъ другого: въ русскомъ языкѣ довольно небреженъ и уже нѣсколько устарѣлъ; нѣмецкій же доступенъ не для всѣхъ читателей, и потому предпочитаемъ представить ихъ въ собственномъ переводѣ съ нѣмецкаго.

(5) Баратынскій.

(6) Автобіографъ, въ своихъ запискахъ.

былъ прогуляться, но мой двоюродный братъ ⁽¹⁾ неожиданно возвратился, ведя за собою незнакомаго для меня человѣка. Это былъ молодой человѣкъ почти одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ, довольно полный, въ коричневомъ сюртукѣ. Большіе, осѣненные густыми, темными бровями глаза блестѣли сквозь очки въ черной оправѣ; довольно полное, но блѣдное лицо было задумчиво, и вообще вся наружность выражала несвойственное лѣтамъ равнодушіе. Какъ удивился я, когда Евгений, представляя мнѣ этого человѣка, назвалъ его барономъ Д ⁽²⁾! Я его давно уже зналъ и уважалъ по его стихотвореніямъ, я зналъ, что онъ искреннѣйшій другъ моего двоюроднаго брата; но я еще ни разу не видалъ его въ лицо. Я не понималъ, какъ могли согласоваться глубокое чувство, веселое добродушіе и неподдѣльная русская оригинальность, которыя такъ привлекали меня въ его стихотвореніяхъ, съ его холодною наружностью и германскимъ именемъ. Но потомъ, когда я узналъ его ближе, какое неистощимое сокровище благородныхъ стремленій, добродушія, человѣколюбія до самопожертвованія и постоянной веселости нашелъ я въ этомъ прекрасномъ человѣкѣ!

«Едва мы провели вмѣстѣ четверть часа, изъ нашего разговора исчезло все натянутое, и мы будто уже нѣсколько лѣтъ были знакомы другъ съ другомъ. Разговоръ вертѣлся на новѣйшихъ произведеніяхъ русской литературы, и коснулся наконецъ театра.

«— Непонятно, сказала Д.: — что у насъ почти вовсе нѣтъ народныхъ драматическихъ произведеній, между тѣмъ какъ русская исторія обильна происшествіями, которыя напрашиваются въ трагедію, а міръ, насъ окружающій, представляетъ богатые матеріалы для комедій.

«— Вы забываете Озерова, возразилъ я.

«— Да, Озеровъ, сказалъ Д.: — безъ сомнѣнія, имѣетъ большія заслуги; но, однакожь, произведенія его ненародны, несмотря на ихъ содержаніе. Все построеніе его драматическихъ произведеній заимствовано изъ старой французской школы, а растянутый александрійскій стихъ несвойственъ нашему языку.

«Евгеній напомнилъ о «Недорослѣ» (das Muttersöhnchen) фонъ-Визина, и мы разсѣялись въ похвалахъ этой истинно русской комедіи.... Цѣлый день мы провели вмѣстѣ. Къ намъ присоединился и Павелъ Николаичъ ⁽³⁾, которому знакомство съ любезнымъ Д.

⁽¹⁾ Баратынскій.

⁽²⁾ Недавно умершій поэтъ, подававшій своими произведеніями блистательныя надежды.

Примѣчаніе изъ нѣмецкаго изданія альманаха.

Въ русскомъ текстѣ онъ названъ Б. А. А. Д.

⁽³⁾ Одинъ изъ друзей автобіографа.

также доставило большое удовольствіе. Мы обѣдали у Фельета (*), и веселое остроуміе оживляло нашъ пиръ. Послѣ обѣда мы отправились на Крестовскій и провели вечеръ въ обычномъ кругу нашихъ друзей, которые приняли Д. съ радостью и уваженіемъ. Съ этого дня мы видѣлись почти ежедневно и сдѣлались искренними друзьями. Я съ восторгомъ вспоминаю еще и теперь объ этомъ времени. Съ тѣхъ поръ многое, очень многое перемѣнилось.»

Осенью 1819 года Баратынскій долженъ былъ ѣхать въ Финляндію и былъ опредѣленъ подпрапорщикомъ въ Нейшлотскій Пѣхотный полкъ, стоявшій тогда въ Фридрихсгамѣ.

Въ томъ же году написалъ онъ посланіе «Къ Дельвигу», напечатанное въ «Сынѣ Отечества» 1819 г. (часть 55, № XXVII, стр. 228) и пропущенное въ собраніи его стихотвореній, которое начнется такъ:

Такъ, любезный мой Горацій, и проч.

Дельвигъ отвѣчалъ на это посланіе слѣдующимъ, неизданнымъ посланіемъ

КЪ ЕВГЕНИЮ.

«За то ль, Евгений, я Горацій,
Что пьяный, въ миртовомъ вѣнкѣ,
Пою вино, любовь и Грацій,
Какъ ты, отъ шума вдаекѣ,

И что друзей люблю старинныхъ?...

Нѣтъ! лиру высоко настроя,
Не въ силахъ съ Музою моею
Я славить бранный лавръ героя,
Иль мирныя дѣла судей:

Мнѣ крыльевъ не дано орлиныхъ
Съ отверстымъ поприщемъ для нихъ.

Кого же до вершинъ Парнаса,
Возвыся громкій гласъ, вознестъ?
Иль за ухо втащить Мидаса,
И смѣхъ въ безсмертныхъ произвестъ? —
Вѣрнѣе въ храмѣ Цитерей,
Гдѣ сынъ ея намъ всѣмъ грозить,

Благоуханной головою
Поникнувъ, Лидіи младой
Пріятно нѣжитъ слухъ игрою,
Воспѣтъ безпечность и покой,

(*). Знаменитый въ то время restaurant — въ Морской, въ домѣ Косиковскаго.

Покинуть гордыя желанья,
 Въ вѣнокъ свой лавровъ не вплетать,
 И въ часъ веселаго мечтанья
 Тихонько Флакку подражать
 И съ нимъ забавы пѣть свои.»

Одинаковые характеры, наклонности и возрастъ обоихъ поэтовъ (Дельвигъ былъ только двумя годами старше Баратынскаго), даже отчасти сходное въ началѣ направленіе ихъ музыки, были причиною ихъ скорого сближенія, которое не ослабѣло даже съ отъѣздомъ Баратынскаго въ Финляндію. Они переписывались другъ съ другомъ, на сколько позволяла ихъ лѣнность, и Баратынскій постоянно посылалъ свои стихотворенія на сужденіе Дельвига. Переписки ихъ, которая, впрочемъ, не могла быть велика, намъ не удалось найти; но отношенія обоихъ поэтовъ другъ къ другу достаточно объясняются ихъ взаимными посланіями.

Въ первыя мѣсяцы пребыванія своего въ Финляндіи Баратынскій написалъ къ Дельвигу слѣдующее посланіе, въ которомъ трогательно вспоминаетъ его дружбу, жалуется на разлуку и опасается неизбежнаго съ нею охлажденія:

«Гдѣ ты, безпечный другъ, гдѣ ты, о Дельвигъ мой,
 Товарищъ радостей минувшихъ,
 Товарищъ ясныхъ дней, недавно надо мной
 Мечтой весело мелькнувшихъ?
 Уже ль душѣ твоей такъ скоро чуждымъ сталъ
 Другъ отлученный, другъ далекій,
 На финскихъ берегахъ, между пустынныхъ скалъ
 Бродящій съ грустью одинокой?
 Гдѣ ты, о Дельвигъ мой! ужель минувшихъ дней
 Лишь мнѣ чувствительна утрата,
 Ужель не ищешь ты вокругъ своихъ друзей
 Судьбой отторженнаго брата?
 Ты помнишь ли тѣ дни, когда рука съ рукой,
 Мы жизни ввѣрились, и общею тропой
 Помчались за мечтою счастья?
 «Что въ славѣ? что въ молвѣ? на время жизнь дана!»
 За полной чашей мы твердили,
 И весело въ струяхъ блестящаго вина
 Забвенъ сладостное пили.
 И вотъ ступилась ночь, и все въ глубокомъ снѣ, —
 Лишь дышетъ влажная прохлада;
 Лишь слабо теплится въ туманной вышинѣ
 Діаны блѣдная лампада.

Съ улыбкой будить насъ малютка Купидонъ;
 Пусть дремлетъ труженикъ усталый!
 • Проснитесь, юноши! для васъ ли — шепчетъ онъ, —
 «Покой безчувственный и вялый?...»
 И гдѣ же домъ утѣхъ? гдѣ чашъ веселый стукъ?
 Забытъ друзьями другъ заочный,
 Исчезли радости, какъ въ вихрѣ слабый звукъ,
 Какъ блескъ зарницы полуночной!
 И я, пѣвецъ утѣхъ, теперь утрату ихъ
 Пою въ тоскѣ уединенной,
 И воды чуждыя шумятъ у ногъ моихъ,
 И брегъ невидимъ отдаленный.» (*)

Но, несмотря на забывчивость Дельвига, Баратынскій не переставалъ дѣлиться съ нимъ своими впечатлѣніями. Переносится ли онъ воспоминаніями въ прежнее время, для него Дельвигъ всегда на первомъ планѣ. Вотъ одно изъ такихъ воспоминаній, въ стихотвореніи «Пиръ», написанномъ Баратынскимъ въ первый годъ его пребыванія въ Финляндіи:

«О, еслибъ теплою мольбой
 Обезоруживъ гнѣвъ судьбины,
 Перенестись отъ скалъ чужбины
 Мнѣ можно было въ край родной!
 (Мечтать позволено Поэту.)
 У водъ домашняго ручья
 Друзей разбросанныхъ по свѣту
 Соединилъ бы снова я.
 Дубравой темной осѣненный,
 Родной отцамъ моихъ отцовъ,
 Мой домъ, свидѣтель двухъ вѣковъ,
 Поникнулъ кровлею смиренной,
 За много лѣтъ до нашихъ дней
 Тамъ въ чаши чашами стучали,
 Любили пламенно друзей
 И съ ними шумно пировали....
 Мы, тѣ же съ сердцемъ въ вѣкъ иной,
 Сбереглись дружеской толпой
 Подъ мирный кровъ домашней сѣни,
 Ты, вѣрный мнѣ, ты, Дельвигъ мой,

(*) Стихотвореніе это напечатано въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 года (часть I, мартъ, стр. 86), подъ заглавіемъ «Посланіе къ Б... Дельвигу», и перепечатано, съ нѣкоторыми измѣненіями и безъ заглавія, въ собраніи стихотвореній Баратынскаго (часть I, стр. 36). Мы сохранили первую редакцію, исправивъ только типографскія погрѣшности, такъ какъ вторая слѣлана уже по смерти Дельвига.

Мой братъ по Музамъ и по лѣни,
Ты, П нѣ ⁽¹⁾ нашъ, кому дано
Пѣть и героевъ, и вино,
И страсти молодости пылкой,
Дано съ проказливымъ умомъ
Быть сердца вѣрнымъ знатокомъ,
И лучшимъ гостемъ за бутылкой, —
Вы всѣ, дѣлившіе со мной
И наслажденья и мечтанья,
О, поспѣшите въ домикъ мой,
На сладкій пиръ, на пиръ свиданья!» ⁽²⁾

Тревожатъ ли Баратынскаго мечты о счастья и стремленія къ какому-то неизвѣданному блаженству, онъ повѣряетъ свои сомнѣнія Дельвигу въ стихотворенія :

«Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найти
Въ сей жизни блаженство прямое....» и т. д. ⁽³⁾

Собирается ли поэтъ умирать, онъ, прощаясь съ своими друзьями, называетъ только одного изъ нихъ, обращается только къ одному Дельвигу :

«О Д , слезы мнѣ не нужны;
Любимъ я жребіемъ — и весь
Я не умру ни тамъ, ни здѣсь :
Со мною Музы были дружны.» ⁽⁴⁾

Жалуюсь на невѣрность своей возлюбленной, Баратынскій снова обращается къ Дельвигу и упрекаетъ его за то, что онъ разрушилъ его мечты, показавъ ему притворство Делія ⁽⁵⁾. Мы не приводимъ этого довольно слабаго стихотворенія, такъ какъ оно относится болѣе къ

⁽¹⁾ Пушкинъ.

⁽²⁾ Стихотворенія Баратынскаго, часть II, стр. 42. Въ прежнихъ двухъ изданіяхъ этой поэмы, о которыхъ упомянуто выше приведенный отрывокъ напечатанъ совершенно иначе; но какъ строчки, относящіяся къ Дельвигу, не подверглись измѣненіямъ, то и не приводимъ вариантовъ.

⁽³⁾ Стихотворенія Баратынскаго, часть I, стр. 121.

⁽⁴⁾ Изъ стихотворенія «Елисейскія поля», напечатаннаго въ одномъ изъ альманаховъ на 1825 годъ, съ подписью Б. Оно перепечатано, съ нѣкоторыми перемѣнами, и въ собраніи стихотвореній Баратынскаго (часть I, стр. 97). Приведенныя четыре строчки напечатаны въ этомъ изданіи въ слѣдующемъ видѣ :

«О Дельвигъ! слезы мнѣ не нужны;
Вѣрь: въ заокитной сторонѣ
Пріемъ радушный будетъ мнѣ:
Со мною Музы были дружны.»

⁽⁵⁾ Въ посланіи къ «Д—у», напечатанномъ въ одномъ альманахѣ на 1825 годъ и перепечатанномъ въ собраніи стихотвореній Баратынскаго (часть I, стр. 137) безъ заглавія и безъ переѣвъ.

Баратынскому, нежели Дельвигу, и ограничиваемся только его указаніемъ. Въ замѣнъ его представляемъ написанное, вѣроятно, по тому же поводу, неизданное посланіе Дельвига къ

ЕВГЕНІЮ.

Помнишь, Евгенийъ, ту шумную ночь, (и она улетѣла!)
Когда мы съ Амуромъ и Вакхомъ
Тихо но смѣло прокралися въ теремъ Лилеты? и что же!
Безсмертные намъ измѣнили.

Къ чаши! герои Амура виномъ запиваютъ побѣды.

Мы молоды, юность, какъ роза, —
Мигомъ плѣнить и увянетъ! а радость? она Филомела
Прелестная! только въ дни розы,

Только въ дни юности намъ поюетъ сладкозвучныя пѣсни,
И вспорхнетъ! за крылья златую!
Ты оцутай летунью цвѣточною цѣпью: ты амброй
Окуривай перья и кудри...

И съ рѣзвою пою и кружися!
Будемъ стары и мы, браня тогда вѣтренность внука,
Украдкой вздохнемъ, и другъ другу

Сладко напомнимъ, сѣдые, о нашихъ любовныхъ проказахъ....»

Въ началѣ 1821 года, бригада, въ которой находился Баратынскій, получила приказаніе выступить въ Петербургъ, для занятія карауловъ ^(*). Баратынскій совершенно ожилъ отъ этого извѣстія: мысль о Петербургѣ была для него самою отрадною мыслью, и вотъ теперь ему представлялся случай увидѣться со всѣми близкими его сердцу. Кромѣ свиданія съ друзьями Петербургъ имѣлъ для Баратынскаго еще другое очарованіе, — очарованіе самой пламенной литературной дѣятельности, самаго искренняго общественнаго сочувствія къ литературнымъ интересамъ. Начало двадцатыхъ годовъ, ознаменованное блестящею, овладѣвшею всеобщимъ вниманіемъ дѣятельностью Карамзина, Крылова, Жуковскаго и Батюшкова, памятное появленіемъ первыхъ поэмъ Пушкина, конечно, останется навсегда однимъ изъ самыхъ блестящихъ и обильныхъ послѣдствій періодовъ русской литературы. Попасть въ этотъ центръ литературной жизни было самымъ задушевнымъ желаніемъ Баратынскаго, — и вотъ оно исполнилось совершенно неожиданно. Къ сожалѣнію, во время пріѣзда Баратынскаго изъ Финляндіи, въ Петербургѣ не было ни Жуковскаго, ни Батюшкова, ни Пушкина: первый, сопро-

^(*) Изъ неизданной рукописи Н. М. Коншина «Воспоминанія о Баратынскомъ», сообщенной П. А. Плетневымъ.

вождавший за границу, въ 1820 году, нынѣ царствующаго Государя Императора и Императрицу Александру Феодоровну, остался въ чужихъ краяхъ и по возвращеніи Великой Княгини въ Россію (1). Второй находился въ Неаполѣ при русскомъ посольствѣ (2); третій жилъ въ Кишиневѣ, гдѣ находился на службѣ въ канцеляріи генералъ-лейтенанта Инзова, полномочнаго намѣстника Бессарабіи (3). Но, несмотря на отсутствіе трехъ первыхъ русскихъ поэтовъ, они были близки и дороги сердцу каждаго читателя, имена ихъ всюду повторялись съ восторженнымъ удивленіемъ, каждое новое ихъ произведеніе было встрѣчаемо радостнымъ участіемъ. Два литературныя общества (Любителей Россійской Словесности, или Соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія (издававшее «Соревнователь») и Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ), считавшія въ числѣ своихъ членовъ большую часть образованныхъ и ученыхъ людей столицы, распространяли любовь къ словесности, и, благодаря ихъ участію, каждое новое литературное явленіе, каждый новый проблескъ дарованія находилъ ободрительное вниманіе. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ Баратынскій, уже возбудившій нѣкоторыя ожиданія своими стихотвореніями, нашелъ радушный приемъ во всѣхъ литературныхъ кружкахъ, былъ всюду желаннымъ гостемъ.

Дельвигъ, нетерпѣливый видѣть своего друга, отправился, вмѣстѣ съ Эртелемъ, встрѣчать его на Выборгскую дорогу, въ Парголово (4), и, въ теченіе нѣсколькихъ дней сряду, многочисленные пріятели поэта праздновали его неожиданное возвращеніе. Особенно радовался его прибытію Дельвигъ.

Въ числѣ его неизданныхъ стихотвореній мы нашли посланіе къ Баратынскому (*Къ Е.*), написанное по этому случаю, въ первые же дни радостнаго свиданья. Стихотвореніе это заслуживаетъ особеннаго вниманія, не по достоинству, но потому, что въ немъ впол-

(1) «Московскія Вѣдомости» 1853 г., № 18, статья П. Б.: «Еще нѣсколько словъ о Жуковскомъ», стр. 190.

(2) «Опытъ краткой исторіи русской литературы» Н. И. Греча, стр. 578, и «Энциклопедическій Лексиконъ», томъ V, стр. 96.

(3) «Опытъ краткой исторіи русской литературы» Н. И. Греча, стр. 600; «Современникъ» 1838 г., т. X, статья: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ», стр. 27; биографія Пушкина въ «Портретной и биографической галереѣ словесности, наукъ, художествъ и искусства въ Россіи» (стр. 5 и 6; биографія Пушкина, приложенная къ переводу Дюпона его избранныхъ сочиненій на французскій языкъ (Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine, poète national de la Russie, traduites pour la première fois en français par H. Dupont, 1847), стр. 8, и неизданное письмо Пушкина къ Дельвигу, отъ 23 марта 1821 года, изъ Кишинева.

(4) Сообщено кн. Д. А. Эртелемъ.

нѣ выразился, со всѣмъ своимъ эпикуреизмомъ, нашъ беззаботный поэтъ. Вотъ оно:

«Ты въ Петербургѣ, ты со мной,
Въ объятыхъ друга и поэта!
Опять прошедшаго мы лѣта,
О, трубадуръ веселый мой,
Забавы, игры воскресили,
Опять насъ вѣтвями покрыли
Густыя рощи острововъ,
И приняла на шумны волны
Нева и братьевъ, и пѣвцовъ;
Опять веселья, жизни полный,
Я счастливъ радостью друзей,
Земли и неба житель вольный,
И тихой жизнію довольный,
Съ безнечной Музою моею
Друзьямъ пою любовь, похмѣлье,
И хлопотливое бездѣлье,
Удалыхъ рыцарей стола,
За конемъ шалость и веселье,
Подъ звонъ блестящаго стекла,
Поютъ, бокалы осушаютъ,
И громкимъ смѣхомъ заглушаютъ
Часовъ однообразный бой.
Часы бѣгутъ своей чредой!
Удѣлъ глупца или Гераклита,
Безумно воя, ихъ считать.
Смѣшно бы, кажется, кричать,
Когда златымъ виномъ налита,
Обходить чапа вокругъ столовъ,
И свѣжимъ запахомъ плодовъ
Насъ манить полныя корзины,
Что все у бабушки судьбины
Въ сей краткой жизни на счету,
Что старая то наслажденье,
То въ спискѣ вычеркнетъ мечту,
Прогонитъ радость, огорченье
Шлетъ съ скукой и болѣзнью намъ,
Поссоритъ, разлучитъ насъ съ милой, —
Перенесемъ, глядишь — а тамъ
Она грозитъ намъ и могилдой.
Пусть плачутъ и томятъ себя,
Часовъ считают бой унылый!
Мы жъ время измѣрять, друзья,
По налитымъ бокаламъ станемъ;

Когда вамъ пѣть престану я,
 Когда мы нить вино устанемъ,
 Да и его ужь не найдемъ,
 Тогда на утро мелькомъ взглянемъ,
 И спать до вечера пойдемъ.
 О, твой пѣвецъ не ищетъ славы,
 Онъ счастья ищетъ въ жизни сей,
 Свою любовь, свои забавы
 Поетъ для избранныхъ друзей,
 И никому не подражаетъ.
 Пускай Орестовъ увѣряетъ,
 Нашъ антикварій, нашъ мудрецъ,
 Почерпнувшій свои познанья
 Въ мадамъ Жанлисъ, что твой пѣвецъ
 И спитъ, и пѣтъ изъ подражанья: (*)
 Пусть житель острова, гдѣ вамъ,
 О, Музы вѣчно-молодыя,
 Желая счастья сынамъ,
 Вѣряетъ юношей Россія,
 Пусть онъ, съ священныхъ сихъ береговъ,
 Невѣжа злой и своевольный,

(*) Подъ именемъ *Орестова* Дельвиго, безъ сомнѣнія, намекалъ на Ореста Михайловича Сомова, переводчика «Записокъ полковника Вутле о войнѣ Грековъ» (1824 и 1825 г., въ 2-хъ частяхъ), «Новыхъ повѣстей, сочиненныхъ и поднесенныхъ дѣтямъ Е. В. Герцогини Беррійской, соч. Бульи» (1826 г., въ 2-хъ частяхъ), «Наваринской битвы или Ренегата», историческаго романа Мока (1831 г.) (Переводъ этого романа въ томъ же году былъ изданъ и въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: «Битва при Наваринѣ, или отступникъ», историческій романъ г. Моке), издателя (вмѣстѣ съ Августомъ де сенъ-Томомъ) «Новыхъ французскихъ и российскихъ разговоровъ, составленныхъ по образцамъ, находящимся въ сочиненіяхъ лучшихъ новѣйшихъ писателей» (1827 г.), автора многихъ критическихъ статей и сочинителя нѣсколькихъ малороссийскихъ повѣстей и рассказовъ. Сомовъ скончался 27 мая 1833 года въ Петербургѣ. Краткое некрологическое извѣстіе о немъ напечатано въ XXXVII № «Dorpat'er Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands. Erster Band. 1838. Riga und Dörpat» стр. 290). Покойный Сомовъ, писавшій часто подъ псевдонимомъ Порфирія Байскаго, былъ ревностнымъ сотрудникомъ почти всѣхъ тогдашнихъ періодическихъ изданій, и такимъ образомъ перебивалъ по очереди почти во всѣхъ литературныхъ партияхъ. Ратуя подъ знаменами А. Е. Измайлова въ «Благонамѣренномъ», который былъ противникомъ новой романтической школы, — Сомовъ принималъ участіе въ составленіи безыменныхъ статей противъ Дельвига, что, однакожъ, не помѣшало ему, голъ черезъ четыре послѣ этого, сблизиться пріятелемъ поэта, ревностнымъ сотрудникомъ даже, по званію Дельвига, участникомъ въ изданіи «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» и «Литературной Газеты», и расточать печатно тому же Дельвигу немудренныя похвалы. Этотъ крутой поворотъ въ убѣжденіяхъ, конечно, для многихъ покажется страннымъ; но пусть ему не удивляются читатели: Сомовъ безпрестанно мѣнялъ убѣжденія, или, вѣрнѣе, не имѣлъ ихъ, перебѣгая изъ одного литературнаго лагера въ другой.

И глупостью своей довольный,
 Мою поносить къ вамъ любовь: (*)
 Для нихъ я не потрачу словъ!
 Клянусь надеждами моими,
 Я оцѣнилъ сихъ мудрецовъ,
 И еслибъ я былъ равенъ съ ними,
 То горько бъ укорялъ боговъ.»

Въ этомъ стихотвореніи Дельвиго высказался искреннѣе и полнѣе, чѣмъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ, и читатели могутъ судить по немъ, до какой степени онъ весело и беззаботно смотрѣлъ на жизнь и съ какимъ юношескимъ увлеченіемъ былъ преданъ дружбѣ.

Около того же времени, когда Баратынскій пріѣхалъ изъ Финляндіи, возвратились въ Петербургъ, изъ дальнихъ странствій, два другіе пріятели Дельвига. Онъ написалъ по этому случаю слѣдующій *Дивирамбъ* (На пріѣздъ трехъ друзей), напечатанный въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 годъ (стр. 302) и вошедшій въ оба изданія стихотвореній Дельвига (въ первомъ — стр. 101, а во второмъ—75):

О радость, радость, я жизнью бываю
 Снова дышу!

Трепещетъ лира:
 Въ струнахъ позабытыхъ
 Я звуковъ согласныхъ,
 Я звуковъ живительныхъ
 Въ восторгѣ ишу.

Гремитъ, какъ прежде, подруга безсмертная;
 Други, ко мнѣ!

Опять доступенъ
 Я смѣхамъ и пѣснямъ,
 И чашѣ, вѣнчанной
 Минутными розами,
 И сладкой любви.

Пришли три гостя въ обитель поэтову
 Съ дальнихъ сторонъ:
 Отъ Финновъ блѣдныхъ,

(*) *Житель Васильевского Острова* — псевдонимъ, кажется, Сомова же. Въ «Благонамѣренномъ» (іюль, № XIII) напечатано «Письмо къ г. Марлинскому», подписанное этимъ псевдонимомъ. Письмо это (въ которомъ болѣе печатнаго листа) посвящено придиричвому, но мѣстами справедливному, разбору стихотвореній Дельвига «Видніе», о которомъ мы уже упоминали. Въ приводимомъ посланіи «Къ Е.» Дельвиго намекаетъ на *Жителя Васильевского Острова* и на это самое письмо.

Ледяноволосяхъ:

Отъ Рейна старца;

Отъ моря съшучаго

Азійскихъ песковъ.

Три гостя, съ дѣтства товарищи, спутники,

Братья мои!

За мной ко храму!

Я, плющемъ вѣнчанный,

При гимнахъ священныхъ

Кастору и Поллуксу

Хвалу воспою» (1).

А. Д. Галаховъ, въ статьѣ объ Измайловѣ (Современникъ 1850 года, № XI), говоритъ (стр. 29), что «тѣсная дружба, связывавшая Дельвига съ Пушкинымъ, Баратынскимъ и Языковымъ, была причиною взаимнаго размѣна чувствъ между ними. Дельвигъ въ горячемъ диоирамбѣ выразилъ свою радость по случаю пріѣзда трехъ друзей.» Замѣтимъ, что къ Пушкину и Языкову этотъ диоирамбъ не могъ относиться, потому что первый изъ нихъ въ то время еще не возвращался въ Петербургъ изъ Южной Россіи, а второй еще не выѣзжалъ изъ Петербурга.

Скоро по пріѣздѣ въ Петербургъ, Баратынскій, вѣроятно, по предложенію Дельвига, самаго усерднаго поклонника его музы и распространителя его литературной извѣстности, былъ избранъ въ дѣйствительные члены Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, къ которому принадлежалъ до тѣхъ поръ въ званіи члена-сотрудника (2).

Баратынскій поселился на одной квартирѣ съ Дельвигомъ, въ Семеновскомъ полку (3). Оба поэта жили самымъ оригинальнымъ, самымъ беззаботнымъ, и потому беспорядочнымъ образомъ, почти не имѣя мебели въ своей квартирѣ, и не нуждаясь въ подобной роскоши, почти постоянно безъ денегъ, но зато съ неистощимымъ запасомъ самой добродушной, самой беззаботной веселости.

Хозяйственныя распоряженія въ домашнемъ быту обоихъ поэтовъ предоставлены были на произволъ находившагося у Дельвига въ услуженіи человека Никиты, который въ лѣно-

(1) Въ «Сѣверныхъ Цѣтахъ», вмѣсто этой послѣдней строчки, напечатано:
«Она завою.»

Другихъ измѣненій въ позднѣйшей редакціи диоирамба въ собраніи стиховъ Дельвига) нѣтъ.

(2) Изъ неизданной рукописи Н. М. Коншина «Воспоминанія о Баратынскомъ».

(3) Сообщено кн. Д. А. Э.

сти и безопасности могъ поспорить развѣ только съ своимъ баринномъ. Вѣроятно, уважая въ немъ собственныя качества, Дельвигъ не отпускалъ Никиту, несмотря даже на то, что Никита былъ постоянно пьянъ, распоряжался карманомъ барина (когда въ немъ водились деньги), какъ своимъ собственнымъ, и не всегда считалъ нужнымъ доставлять его письма по адресу. Пушкинъ, проживая, въ 1825 году, въ селѣ Михайловскомъ, и долго не получая отъ Дельвига извѣстій, спрашивалъ его, въ одномъ изъ своихъ неизданныхъ писемъ (отъ 8 июня), не принялъ ли онъ опять въ услуженіе покойнаго Никиту (*). Вообще порядокъ, чистота и опрятность были качествами, неизвѣстными въ домашнемъ быту обоихъ поэтовъ. Эта беспорядочная обстановка жизни, считавшаяся тогда поэтической, доходила до цинизма, и Дельвигъ, во всемъ старавшійся быть эпикурейцемъ, былъ въ то же время и циникомъ въ значительной степени, хотя, быть можетъ, и безсознательно.

Въ упомянутой уже выше статьѣ, въ «Русскомъ Альманахѣ» мы нашли нѣкоторыя черты изъ частной жизни Дельвига, относящіяся къ этому времени пребыванія Баратынскаго въ Петербургѣ, — именно: описаніе одного изъ походовъ нашихъ поэтовъ, которое и представляемъ также въ переводѣ:

«Когда Д. приходилъ къ намъ поздно вечеромъ — говоритъ автобіографъ — онъ обыкновенно оставался и ночевать. Вообще какая-то физическая лѣнь и беззаботность истинно поэтическая составляли главныя черты его характера. Въ дни, когда ему приходилось по очереди дежурить въ Публичной Библиотекѣ, мы (Баратынскій и автобіографъ) ходили къ нему послѣ обѣда, чтобы вмѣстѣ съ нимъ пить чай въ дежурной комнатѣ. Это напоминаетъ мнѣ одинъ изъ страннѣйшихъ обѣдовъ въ моей жизни. Мы получили двѣ гладкихъ визитныхъ карточки, съ надписью: «Баронъ А. А. Д.», изъ которыхъ одна на оборотѣ была адресована на имя Евгенія, а другая на мое. Къ карточкамъ было приложено тщательно сложенное письмо, въ которомъ заключалось торжественное приглашеніе къ обѣду, съ просьбою зайти за барономъ въ три часа въ Библиотеку. Тонъ письма, такъ же, какъ и пересылка карточекъ, были для насъ одинаково загадочны, а самое приглашеніе казалось не менѣе страннымъ, потому что мы еще прошлый вечеръ провели вмѣстѣ и объ этомъ не было и помину. Съ любопытствомъ отправились мы въ назначенный часъ въ Библиотеку, гдѣ встрѣтилъ насъ Д. съ свойственнымъ только ему смѣхомъ. Мы забросали его во-

(*) Въ томъ письмѣ, въ которомъ Пушкинъ сообщалъ свое мнѣніе о Державинѣ, и о которомъ упомянуто уже въ первой статьѣ (стр. 77).

просами, зачѣмъ ему вздумалось прислать намъ карточки, и написать при этомъ такое странное письмо.

— Это очень просто, отвѣчалъ онъ: — я нашелъ сегодня утромъ между моими бумагами эти старыя визитныя карточки и, не зная, что съ ними дѣлать, отправилъ ихъ къ вамъ, да ужь кстати и пригласилъ васъ обѣдать.

«— Но письмо, письмо? къ чему такое странное письмо?»

«— Ахъ, и этого вы не понимаете! Письмо должно было соответствовать торжественности визитныхъ картъ... Ну, теперь пойдите.

«— Къ тебѣ домой?»

«— О, Боже сохрани! Никита уже три дня пьянъ, и я боюсь его обезножить.

«— Однакожь, ты не намѣренъ вести насъ къ Талону или Фельету?»

«— Еще менѣе! Въ извѣстныхъ отеляхъ встрѣчаешь только хорошее общество, которое всюду одинаково, и, между нами, обыкновенно довольно скучно. Я поведу васъ сегодня въ другое общество, которое хотя и не слыветъ хорошимъ, но которое во всякомъ случаѣ для васъ будетъ повеѣ...

«Съ любопытствомъ послѣдовали мы за нашимъ путеводителемъ. Онъ шелъ вдоль Садовой улицы и поворотилъ въ маленькій переулокъ, бывший тогда за Малымъ театромъ (*).

«Вѣрные обычая предковъ, мы должны передъ обѣдомъ выпить по рюмочкѣ, сказалъ Д., остановившись передъ кабакомъ.

«Испуганный, я отступилъ назадъ, и Б. также, кажется, затрундился туда войти...

«Наконцъ, хотя и безъ сопротивленія, мы послѣдовали странному приглашенію. Такъ какъ это былъ праздничный день, то собравшеся здѣсь общество было довольно многочисленно; однакожь, появленіе почетныхъ гостей не помѣшало ничьему удовольствію.»

«Нашъ пріятель подошелъ къ поставцу и потребовалъ настойки. «Извольте-съ», отвѣчалъ хозяинъ и, посмотрѣвъ испытующимъ взоромъ на посѣтителя, досталъ изъ подъ стола грязную рюмку,

(*) Малый театръ находился между нынѣшнимъ Александринскимъ театромъ и круглымъ садикомъ (свѣромъ). Это явленіе замѣчательно тѣмъ, что въ немъ хранились нѣкоторое время книги Варшавской Библіотеки, перевезенныя въ Петербургъ въ 1795 году, для поступленія въ Публичную Библіотеку. Домикъ этотъ, до построения для Библіотеки особаго зданія, въ 1801 году былъ отданъ Казацки для итальянской оперы, и послѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ Малаго театра. («Опытъ новаго библиографическаго порядка для С. Петербургской Императорской Библіотеки», представленный отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Оленина и утвержденный главнымъ начальствомъ», 1809 г. (стр. 7), и «Путеводитель по Императорской Публичной Библіотекѣ», 1852 г. (стр. 10).)

которую тщательно обтеръ внутри пальцемъ и наполнилъ какою-то грязно-коричневою жидкостью. Мы не рѣшались дотронуться до этой рюмки, такъ чисто вытертой, и Д. поднесъ ее своему собрату по Аполлону, здоровому игроку на балалайкѣ, который залпомъ выпилъ ее за его здоровье. Когда мы выходили оттуда, во мнѣ возникли разныя подозрѣнія касательно обѣда, къ которому были сдѣланы такія странныя приготовленія, а послѣдняя сцена настроила насъ въ самое веселое расположеніе духа и заставила много смѣяться. Д. повелъ насъ по тому же переулку къ старому, пошатнувшемуся домишкѣ, и по лѣстницѣ, состоявшей изъ пяти ступенекъ, изъ которыхъ только трехъ не доставало, мы спустились въ подвалъ, освѣщенный лампой, но недостатку дневнаго свѣта. Поливашная вывѣска надъ дверью, съ намалеванными окорокомъ, жареными курами и пирогами, показывала, что здѣсь предстоитъ ожидаемый обѣдъ; иначе мы не догадались бы, потому что комната не заключала ничего обличившаго предстоявшій пиръ. Только по срединѣ увидѣли мы большой столъ, вокругъ котораго стояли старыя, изломанные стулья. Приблизившись, замѣтили мы ножи и оловячныя ложки, которые въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга прикрѣплены были къ столу желѣзными цѣпочками. Вилочекъ, скатертей и салфетокъ не существовало. Мы всѣ расхохотались. Въ комнатѣ не было посѣтителей, потому что для людей, посѣщавшихъ этотъ домъ, обѣденное время уже давно прошло. Полные ожиданія предстоявшихъ сценъ, мы успѣлись. Баронъ позвалъ хозяина въ красной рубахѣ и бывшемъ когда-то чистымъ передникѣ, здороваго дѣтина, лежавшаго до сихъ поръ во всю длину на скамейкѣ, ни малѣйше не стѣсняясь нашимъ приходомъ.

«— Давай намъ обѣдать, сказалъ Д.

«— Помилуйте, отвѣчалъ онъ обиженно: — всѣ ужь давно пообѣдали.

«— Да развѣ у тебя ничего нѣтъ? Мы непременно хотимъ обѣдать у тебя.

«— Я уже докладывалъ, что обѣда нѣтъ. Ужинъ, пожалуй, могу подать.

«— Что жъ у тебя будетъ за ужиномъ?»

«— Да то же, что и за обѣдомъ.

«— Какая же разница между обѣдомъ и ужиномъ?»

«— Какъ не быть разницы? Когда народъ пообѣдастъ, мы снова наливаемъ въ щи воды и варимъ ихъ: вотъ и ужинъ.

«— Стало быть, это дешево?»

«— А то какъ же! Въ обѣдъ беремъ по пятнадцать копеекъ, да и то безъ говядины,—съ говядиной двадцать-пять; ну, а въ ужинъ

пустые щи идутъ у насъ по восьми, а коли съ говядиной требует-ся, такъ и по шестнадцати беремъ.

«— Ну, давай ужинать.

«— Съ говядиной или безъ говядины?

«— Разумѣется, съ говядиной.

«— Давайте деньги; у насъ навсегда такъ: впередъ получаемъ!

«Мы покатались со смѣху. Хозяинъ казался нѣсколько обиженнымъ, однакожь, взявъ монету, брошенную ему на столъ, и, рассмотрѣвъ ее внимательно, положилъ на столъ сдачу грошами. Потомъ онъ взялъ довольно большую деревянную чашку, подошелъ съ длинной деревянной ложкой къ плитѣ, гдѣ на угольяхъ стоялъ большой чугунный котелъ, и наполнилъ чашку. Поставивъ ее по срединѣ стола, онъ принесъ каждому изъ насъ деревянный кружокъ, на которомъ былъ кусокъ говядины и щепотка соли.

«— А хлѣба давать? спросилъ хозяинъ.

«— Р зумѣется.

«— Сколько надо?

«— Давай сколько хочешь.

«— Фунтовъ десять?

«— Хотя двадцать, отвѣчалъ я, смѣясь.

Онъ взялъ тотчасъ свой безменъ, отвѣсилъ полъ-пуда и навалилъ на столъ.

«— Скажи, пожалуйста, спросили мы его: — зачѣмъ у тебя ложки и пожи, какъ собаки, на цѣпяхъ?

«— А то какъ же? отвѣчалъ онъ: — сюда ходитъ всякій народъ, за всѣми не углядишь; того и смотри, что нибуль да стацать.

«— А зачѣмъ у тебя нѣтъ вилокъ?

«— Черному народу это не приходится — не требуется.

«— Какъ же они ѣдятъ?

«— Какъ? знамо, на то пальцы есть!

«— Однакожь, пора обѣдать, сказалъ баронъ, отправляя въ чашку брэнчавшую на цѣпи ложку. Со смѣхомъ послѣдовали мы его примѣру, и такъ какъ мы не завтракали, чтобъ не испортить себѣ обѣда, то и ѣли съ большимъ апетитомъ. Нашъ обѣдъ подвигался довольно медленно, потому что за каждою ложкою супа, за каждымъ словомъ слѣдовалъ продолжительный хохотъ. Въ этотъ день, конечно, во всемъ Петербургѣ веселѣ насъ никто не обѣдалъ. вмѣсто десерта хозяинъ поставилъ на столъ другую деревянную чашку, съ кашею, которая, при неумолкаемомъ смѣхѣ, также была опорожнена. Уходя, мы дали хозяину полтинникъ. Щедрость наша такъ удивила его, что онъ сначала не вѣрилъ своимъ глазамъ и не зналъ что сказать. Мы уже были въ расположеніи смѣяться, и замѣша-

тельство этого человѣка смѣшило насъ еще болѣе. Наконецъ мы вышли, и хозяинъ, провожая насъ поклонами, закричалъ намъ вслѣдъ: «Милости просимъ и впередъ къ намъ жаловать». Смѣясь, продолжали мы наше путешествіе; вдругъ узнаемъ отъ нашего путевода, что обѣдъ еще не конченъ, и что намъ предстоятъ новыя лакомства. Онъ повелъ насъ въ верхній этажъ Гостинаго двора. Бородатые кушцы, въ синихъ кафтанахъ, пившіе чай или игравшіе въ шашки, кричали намъ со всѣхъ сторонъ: «Что прикажете-съ! что покупаете-съ?» но мы, не обращая на нихъ вниманія, шли далѣе. У большихъ воротъ на Невскомъ проспектѣ, мы остановили мальчика, продававшего горячіе пироги съ говядиной. Мы взяли каждый по пирогу и, разгуливая взадъ и впередъ по галлерей, съ новымъ смѣхомъ уничтожали это лакомство. Бутылка кислыхъ щей, купленная тутъ же, положила достойный конецъ нашему обѣду. Но наши походы еще не кончились. Д. повелъ насъ на Щукинъ дворъ, гдѣ угостилъ изюмомъ, рожками и т. п. Какъ нельзя болѣе довольные нашимъ днемъ, мы отправились къ Павлу Николаичу, гдѣ нашли веселое общество, еще болѣе оживившееся нашимъ приходомъ и разказами о нашихъ походахъ. Шампанское скоро заступило мѣсто кислыхъ щей....»

Недалеко отъ нашихъ поэтовъ, въ Семеновскомъ же полку, поселился командиръ роты, въ которой находился Баратынскій, Н. М. Коншинъ, писавшій тогда, въ подражаніе Баратынскому, мелкія стихотворенія, впоследствии издавшій вмѣстѣ съ барономъ Е. А. Розеномъ «Царское Село», альманахъ на 1830 годъ, теперь же занимающій должность директора Демидовскаго Лицея и училищъ Ярославской губерніи. Н. М. Коншинъ, чрезъ посредство Баратынскаго, немедленно сблизился съ Дельвигомъ и нѣкоторыми изъ его пріятелей. Новые знакомые, пользуясь случаемъ, видались часто и весело. Въ неизданномъ стихотвореніи Н. М. Коншина «Къ нашимъ» (*), представляющимъ, и по содержанію и по формѣ, близкое подражаніе стихотворенію Пушкина «Пирующие Друзья» (соч. А. Пушкина, т. IX, стр. 337), находимъ очеркъ одной изъ подобныхъ сходокъ, съ характеристикою присутствовавшихъ на нихъ, къ числу которыхъ принадлежали и оба поэта.

Авторъ говоритъ, что ему пришла благая мысль позвать къ себѣ пріятелей, и обращается къ нѣкоторымъ изъ нихъ, болѣе близкимъ его сердцу:

(* Изъ рукописной тетради стихотвореній Н. М. Коншина, сообщенной П. А. Плетневымъ.

Приди, Евгений, нашъ поэтъ ⁽¹⁾,
 Какъ братъ любимый нами;
 Ты опорожнилъ чашу бѣды,
 Поссорясь съ небесами:
 Запей ее въ моемъ углу
 За чашею веселья,
 Свѣтлѣе будущаго мглоу
 Увидишь отъ похмѣлья.
 Не знаетъ Бахусъ черныхъ дней,
 Ему — какъ лужа, море!
 Приди, и съ Музою твоей
 Плаксивою какъ горе, —
 Пусть сердцу братьевъ говорить
 Волшебными устами:
 Младая грудь ея горитъ
 Свободой и богами.

И Дельвицъ, предсѣдатель Музъ,
 И вождь, и мужъ совѣта!
 Сложи всегдашней дѣни грузъ,
 Бреди на зовъ поэта!
 Оставь въ шкапу и футъ, и вѣсъ
 Философовъ спѣсивыхъ,
 Умножь собой толпу повѣсъ,
 Всегда многорѣчивыхъ!
 Ты любишь искренно друзей,
 И вѣренъ богу Пинда,
 И важно роль семьи своей
 Ведешь отъ Витекинда: ⁽²⁾

⁽¹⁾ Баратынскій.

⁽²⁾ Дельвицъ, дѣйствительно, гордился своимъ происхожденіемъ. Во избѣжаніе скуки, всегда неизбежной съ сухими генеалогическими изысканіями, мы только слегка коснулись генеалогіи нашего поэта, потому что длинный списокъ предковъ Дельвица и ихъ должностей не приводить ни къ какому логическому живому результату, и едва ли въ состояніи возбудить чье нибудь любопытство. Пользуясь случаемъ, считаемъ, однакожь, обязанностію указать источники для поясненія этого вопроса. Желашіе познакомиться съ генеалогіею нашего поэта могутъ найти краткія свѣдѣнія о предкахъ Дельвица, т. е. ихъ собственныя имена, съ означеніемъ времени, въ которое они жили, и должностей, которыя занимали, въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

1) Der Liefländischen Chronik anderer Theil von Liefland unter seinen Herren Meistern von J. G. Arndt. Halle, 1753, in-folio, стр. 163.
 2) Codex diplomaticus regni Poloniae et magni ducatus Litvaniae etc. (Mattias Dogiel). Tomus V, in quo ut universae Livoniae, ita speciatim Curlandiae et Semigalliae ducatum res continentur. Vilnae ex typographia regia, et Reipublicae S. P. MDCCLIX, in-fol., стр. 148 и 160.
 3) Gelehrte Beiträge zu den Rigischen Anzeigen aufs Jahr 1762—67, in-4, 1765 годъ, стр. 158.

Съ молодою Музою твоей
 Опередившій годы,
 Иди въ веселый кругъ друзей
 На празднество....
 И Чернышевъ, пріятель хватъ,
 Поклонникъ Эпикуру! ^(*)
 Ты намъ — братъ
 По Ваху и Амуру,
 И нашимъ музамъ не чужой, —
 Ты любишь пѣснопѣнья;
 Нерѣдко дѣлимъ мы съ тобою
 Минуты вдохновенья.
 Ты любишь бранный шумъ и трескъ,
 И любишь наслажденье,

Эти сочиненія принадлежать къ довольно рѣдкимъ, и послѣдняго изъ нихъ нѣтъ даже въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

4) Nordische Miscellaneen von A. W. Hupel, 24-stes und 25-stes Stück, Riga, 1790, in-8, стр. 337, 338, 333, 357 и 359.

5) Neue nordische Miscellaneen, von A. W. Hupel, Riga, 1793, in-8, 3-tes und 4-tes Stück, стр. 673 и 677, 9-tes St., стр. 496, 15-tes und 16-tes St., стр. 500 и 17-tes St., стр. 58.

6) Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae; oder: Kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung, welche für die Geschichte und das alte Staatsrecht Liv-, Ehst- und Kurland's, etc., aufbewahrt wird. Zweiter Theil, vom Jahre 1450 bis zum Jahre 1631 incl. Riga und Dorpat, 1835. №№ 210., 2206.

7) Monumenta Livoniae antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und anderen schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's dienen. Vierter Band. Beiträge zur älteren Geschichte der Stadt Riga. Riga und Leipzig, 1844, in-4, стр. CCXLIII, № 139.

8) Scriptorum rerum Livonicarum. Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmalen von Liv-, Ehst- und Curland. Zweiter Band. Riga und Leipzig, 1848, in-8, стр. 787.

9) Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's, herausgegeben von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der russischen Ostsee-Provinzen, Riga. Fünfter Band, статья Reihenfolge der livländischen Landmeister des Schwertbrüder und Deutschen Ordens, gewöhnlich Herrmeister (dominus magister) genannt, стр. 471—476, и Sechsten Bandes drittes Heft, 1852, статья Chronologisch-topographisches und alphabetisches Verzeichniss der livländischen Ordensgebietiger, стр. 429—523.

^(*) Чернышевъ — офицеръ Семеновскаго полка, пріятель Дельвица и особенно Эртеля. Въ «Русскомъ Альманахѣ» Эртеля и Глѣбова, въ статьѣ: Выписка изъ бумагъ олдѣ Александра, въ числѣ лицъ этого разказа находимъ и А. Д. Ч. (въ русскомъ изданіи стр. 277, 278, 279, 280 и 281, а въ немецкомъ стр. 409, 410, 411, 412, 413 и 414).

И знаешь, что мишурный блескъ —
Плохое украшенье.
Въ чертогахъ; въ городскомъ шуму
И въ подземельной хатѣ,
Уважень умный — по уму,
И миль въ своемъ халатѣ.

Болтинъ — гусарь, тебѣ челомъ,
Мудрецъ златаго вѣка! (*)
Ты наслаждаешься житьемъ....
Ты храбръ, какъ витязь старины,
И прямъ, какъ наши дѣды;
Ты любишь страсть родной страны —
Роскошные обѣды;
Ты пьешь съ друзьями въ добрый часъ
Безъ бабьяго жеманства.
Дай руку, братъ! иди ко мнѣ!
Затянемъ круговую!
Прямья радости оди
За чашей пуншевою!
.....
Напьемся жъ, братья, за одно!
Иди, семья лихая!
Васъ ждуть, и вино,
И Муза молодая!

Судя по порядку, въ которомъ слѣдуютъ стихотворенія Дельвига въ двухъ томахъ, исписанныхъ его рукою, вѣроятно, къ этому же времени, т. е. къ 1821 году, относится его стихотвореніе «Музамъ» (напечатанное въ обоихъ изданіяхъ его стихотвореній: въ первомъ — на стр. 121, а въ смирдинскомъ — на стр. 91), въ которомъ поэтъ умоляетъ Каменъ

..... «воскресить
Въ немъ прежній пламень вдохновеній,
И лиру къ звукамъ пробудить:
Другъ вашъ и другъ его Евгений
Да будетъ гласъ ея хвалить!»

По всей вѣроятности, къ нему же относится написанное въ то же время слѣдующее неизданное стихотвореніе:

ВЪ АЛЬБОМЪ Б.
У насъ, у небольшихъ пѣвцовъ,
Рука и сердце въ вѣчной ссорѣ:

(*) И. А. Болтинъ — ветеранъ бородинской битвы, о которомъ мы упоминали уже, также одинъ изъ пріятелей Дельвига.

Одно тебѣ безъ дальнихъ словъ,
Давно бы нѣсколько стиховъ
Сердечныхъ молвило на горе
Моихъ воинственныхъ враговъ;
Другая жъ лѣто все чертила
Въ стихахъ тяжелыхъ вялый вздоръ,
А между тѣмъ и воды съ горь,
И изъ чернильницы чернила
Рокъ увлекалъ съ толпой часовъ.
О, твой альбомъ очарователь!
Съ нимъ замечаться я готовъ.
Въ теченіи сколькихъ вечеровъ
Онъ, какъ старинный мой пріятель,
Мнѣ о быломъ воспоминалъ!
Съ нимъ о тебѣ я толковалъ,
Его любезный обладатель!
И на листкахъ его встрѣчалъ
Черты людей тобой любимыхъ,
И у тебя въ душѣ хранимыхъ
По добротѣ, по ласкамъ ихъ,
И образованному чувству
Къ свободно-сладкому искусству
Сестеръ бессмертно-молодыхъ».

Изъ числа остальныхъ своихъ стихотвореній Дельвигомъ, впоследствии, посвятилъ Баратынскому идиллію «Друзья», напечатанную первоначально въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 годъ (стр. 311), и перепечатанную въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига (въ первомъ на стр. 113, а во второмъ на 84).

Осенью 1821 года петербургская стоянка кончилась, и Баратынский, погостивъ въ Петербургѣ около полу-года, долженъ былъ возвратиться въ Финляндію. Новая квартира полка была назначена въ Роченсальмѣ. Лѣтомъ слѣдующаго (1822) года Дельвигомъ пріѣхалъ къ Баратынскому въ Роченсальмъ вмѣстѣ съ Эртелемъ и Н. И. Павличевымъ — шуриномъ Пушкина (*), и нежданые гости провели нѣсколько веселыхъ дней въ кругу полковыхъ товарищей

(*) Изъ неизданной рукописи Н. М. Кошкина «Воспоминаніе о Баратынскомъ». Объ Эртеле мы уже не разъ имѣли случай говорить. Н. И. Павличевъ также принималъ участіе въ русской литературѣ переводами съ нѣмецкаго и итальянскаго. Имъ переведены съ нѣмецкаго: «Богемская дѣвичья война», историческое преданіе VIII столѣтія, соч. К. Фанъ-дери-Фельда; отрывокъ этого перевода, именно III и IV главы, былъ напечатанъ въ «Литературной Газетѣ» 1830 г., № 16, стр. 123; (отдѣльно же переводъ былъ изданъ въ 1830 г., въ 2 частяхъ), и «Патриція» историческая повѣсть XVI столѣтія, также соч. К. Фанъ-дери-Фельда (изд. въ 1831 г.), и съ итальянскаго: «Обрученные», Манцони, романъ, который печатался въ «Литературной Газетѣ» 1831 года.

Баратынскаго. Въ одинъ изъ такихъ дней, Дельвигъ перевелъ вмѣстѣ съ Баратынскимъ извѣстную застольную пѣсню Коцебу: «Es kann ja nicht immer so bleiben», и посвятилъ ее Баратынскому и Коншину. Стихотвореніе это, напечатанное въ альманахѣ «Царское Село», изданномъ на 1830 годъ Коншинымъ и барономъ Розеномъ (стр. 137, съ подписью *Б. Д.* и съ отмѣткою: *Роченсальмъ въ Финляндіи. 1822.*), пропущено въ обоихъ изданіяхъ стихотвореній Дельвига, и потому представляемъ его здѣсь:

Ничто не безсмертно, не прочно
Подъ вѣчно-измѣнной луной,
И все разцвѣтаетъ и вянетъ
Рожденное бѣдной землей.

И прежде насъ много веселыхъ
Любило и пить, и любить:
Не худо гулякамъ усопшимъ
Веселья бокаль посвятить.

И послѣ насъ много веселыхъ
Полюбятъ любовь и вино,

И въ честь намъ напѣвать бокалы,
Любившимъ и пившимъ давно.

Теперь мы доврчиво, дружно,
И тѣсно за чашей сидимъ.

О, дружба! да вѣчно пылаемъ
Огнемъ мы безсмертнымъ твоимъ!» (*)

(*) Эргель въ своемъ «Русскомъ альманахѣ» (Russischer Almanach für 1832 und 1833), въ статьѣ, о которой уже было говорено выше, говоритъ (стр. 316 русскаго изданія и 462 нѣмецкаго) о переводѣ этой пѣсни слѣдующее: «Da sangen wir auch einmal wieder nach langen Jahren das alte Kotzebuesche: „Es kann ja nicht immer so bleiben“ u. s. w., das wir einst in einer fröhlichen Stunde mit D. V. und dem Fürsten E. übersetzt hatten», т. е. «Мы снова запѣли послѣ многихъ лѣтъ старинную пѣсню Коцебу: «Ничто не безсмертно, не прочно», и т. д., которую мы когда-то въ веселый часъ перевели съ Д., В. (Дельвигомъ и Баратынскимъ) и княземъ Э.» Въ какой мѣрѣ и дѣйствительно ли принимали участіе въ переводѣ пѣсни всѣ названныя лица, мы достоверно не знаемъ.

Въ «Дневникѣ Студента» съ 1805 по 1807 г., изъ «Записокъ Современника», оставшихся послѣ покойнаго князя С. С. Баратынскаго (Москвитянинъ 1853 г., № 3) мы нашли (стр. 47) два куплета той же пѣсни, пропѣтой Зловымъ, извѣстнымъ въ то время трагическимъ актеромъ (особенно отличавшимся въ драмѣ А. Коцебу *Сынъ Любви*), послѣ обѣда у князя М. А. Долгорукаго, 19 февраля 1815 года. Приводимъ ихъ для сравненія съ переводомъ Дельвига:

И прежде насъ много бывало
У жизни веселыхъ гостей:
И вотъ мы, на память почившимъ,
Бокаль осушаемъ друзья!
И послѣ насъ будетъ не мало
У жизни веселыхъ гостей:

Значеніе, которое имѣлъ Дельвигъ въ глазахъ Баратынскаго, и отношенія ихъ другъ къ другу яснѣе и полнѣе всего предъидущаго высказаны въ слѣдующемъ посланіи Баратынскаго къ Дельвигу, явившемся въ одномъ альманахѣ на 1823 годъ и напечатанномъ въ стихотвореніи Баратынскаго (часть I, стр. 131).

«Дай руку мнѣ, товарищъ добрый мой,
Путь однимъ пойдемъ до двери гроба!
Дай руку мнѣ — я чувствую, мы оба
Родились подъ тою же звѣздой.
Насъ не вотще судьба соединила:
Суровая двухъ добрыхъ полюбила,
И, слабая отъ бѣдствій ихъ спасти,
Опорю другъ другу быть судила,
Отъ дѣтскихъ дней знакомы мы съ бѣдами,
Казалось, у люльки ждалъ насъ рокъ:
Ты помнишь ли, въ какой печальный срокъ,
На дружбу мнѣ ты руку далъ впервые,
И думая: по сердцу мы родные —
Сталъ навѣщать мой скромный уголокъ?
Ты помнишь ли съ какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный силъ?
Не ты ль тогда мнѣ бодрость возвратилъ?
Не ты ль душѣ повѣялъ жизнью новой?
Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ музъ:
Дѣля досугъ межъ ними и тобою,
Я ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ,
И передъ ней унился душою!
Когда ты самъ носилъ въ душѣ печаль,
Кому вѣрять признанья въ грусти тайной?
Не мнѣ ль? скажи: и дружба не всегда ль
Тебя ждала съ отрадой обычной?
Забываетъ фортуною слѣпной
Мы ей на зло другъ въ другъ все имѣли:
Любовь и лѣнь, и нѣгу и покой,
Развеселясь въ забвеньи сердца пѣли,
И дружества твердя объѣтъ святой,
Безтрепетно въ глаза судьбѣ глядѣли.
О, вѣрь мнѣ въ томъ, чѣмъ жребій ни грозитъ,
Упорствуя въ старинной неприязни,
Душа моя не вѣдаетъ боязни.

И также намъ въ память, счастливыцы,
Они опорожнятъ бокаль!»

Въ «Новѣйшемъ собраніи романсовъ и пѣсней, избранныхъ изъ лучшихъ авторовъ», и посвященномъ прекрасному полу (Москва, 1830 года, въ двухъ частяхъ, въ 16 д. л.), также напечатанъ переводъ этой пѣсни.

Души моей ничто не изменить!
 Такъ, милый другъ, позволять ли мнѣ боги
 Ярмо заботъ сложить когда нибудь,
 И весело на свѣтлый міръ взглянуть,
 По прежнему ль ко мнѣ пребудутъ строги —
 Всегда я твой! судьей души моей
 Ты долженъ быть и въ ведро, и въ ненастье:
 Удвоишь ты моихъ счастливыхъ дней
 Неполное безъ раздѣленья счастье.
 Въ дни бѣдствія я знаю гдѣ найти:
 Участіе въ судьбѣ моей тяжелой:
 Чтожъ страшно мнѣ на жизненномъ пути?
 Иду впередъ съ надеждою веселой!
 Еще позволь желаніе одно
 Мнѣ произнестъ: молюся я судьбинѣ,
 Чтобъ для тебя я сталъ, хотя отнынѣ,
 Чѣмъ для меня ты сталъ уже давно!»

Посланіе это вполне объясняетъ отношенія обоихъ поэтовъ:
 Дельвигъ пробудилъ въ Баратынскомъ талантъ и былъ его пер-
 вымъ руководителемъ и постояннымъ надежнымъ другомъ. Бара-
 тынскій же вполнѣ вѣрилъ въ его дружеское участіе и желалъ толь-
 ко имѣть для Дельвига, хотя впоследствии, то же значеніе, какое
 Дельвигъ имѣлъ для него.

Баратынскій рѣдко печаталъ свои стихотворенія безъ предвари-
 тельнаго обсуждения Дельвига, и сохранилъ къ нему дружбу до кон-
 ца его жизни. Въ 1824 году Баратынскій, произведенный въ пра-
 порщики, вышелъ въ отставку (*) и пріѣхалъ въ Петербургъ, а
 съ 1825 года переселился въ Москву. Онъ постоянно переписывался
 съ Дельвигомъ и, имѣя обыкновеніе весьма много поправлять свои
 стихотворенія, не переставалъ присылать ихъ на предваритель-
 ный просмотръ Дельвига (**).

Въ небольшомъ дружескомъ кружкѣ лицейскихъ поэтовъ, кро-
 мѣ Баратынскаго, бывалъ П. А. Плетневъ.

Говоря объ этихъ новыхъ дружескихъ отношеніяхъ, мы долж-
 ны ограничиться только нѣкоторыми краткими указаніями, несмо-
 тря на предоставленное намъ въ этомъ отношеніи право: сообще-
 ніемъ подробностей изъ жизни человѣка, еще дѣйствующаго между
 нами, авторъ всегда ставитъ себя въ затруднительное положеніе
 передъ читателями, совершенно основательно недовѣряющими та-
 кимъ преждевременнымъ сужденіямъ. Это — наше единственное

(*) Изъ рукописи Н. М. Ковшина «Воспоминаніе о Баратынскомъ».

(**) Сообщено барономъ А. П. Дельвигомъ.

препятствіе; желаемъ только, чтобы оно продолжалось какъ можно
 долѣе.

Мы имѣли уже случай приводить выше «Стансы къ Д***» Плет-
 нева, и упоминать о посланіи его къ Дельвигу (статья первая,
 стр. 68). На послѣднее изъ нихъ Дельвигъ написалъ слѣдующій

ОТВѢТЪ.

Зачѣмъ на меня ты и глупость, и злобу,
 Плетневъ, вызываешь нескромной хвалою?
 Къ чему величаешь любовью безсмертныхъ
 Простаго пѣвца?

Такъ, были мгновенья ниспосланы Фебомъ:
 Я плавалъ въ восторгахъ, я небомъ дышалъ!
 Я пѣлъ — и мнѣ хоромъ, веселье вторить
 Любили друзья.

Я пѣлъ, — но въ то время роскошная младость
 Мнѣ жизнь озаряла волшебнымъ лучемъ:
 Я вѣровалъ въ счастье, я жаждалъ любви,
 Я славой горѣлъ!

И опытъ суровый смирилъ обольщенья,
 Мой взоръ прояснился; но скрылись мечты,
 За ними и счастье, и прелесть любви,
 И славы призракъ.

Какъ слушалъ Јаертидъ, привязанный къ мачтѣ,
 Волшебныя пѣсни Скилійскихъ сиренъ,
 И тщетно къ нимъ рвался — упрямыя верви
 Держали его:

Такъ я, твоей лирой печально плѣняясь,
 Вотще порываюсь къ святымъ высотамъ,
 Знакомымъ бывало, и въ робкія струны.
 Напрасно звучу.

Напрасно у неба прошу вдохновеній:
 Мнѣ путь на родную страну возбраненъ,
 И гласъ мой подобенъ унылому гласу
 Жестокимъ стрѣломъ.

Подстрѣленной птицы, когда завываютъ
 Осенніе вѣтры, и къ теплымъ странамъ
 Веселую стаей при кликахъ несутся
 Подруги ея.»

Стихотвореніе это, написанное въ 1820 году, было напечатано
 въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ (стр. 86), и вошло въ оба
 изданія стихотвореній Дельвига (въ первомъ оно напечатано на
 стр. 14, а въ смраднскомъ — на 8).

Дельви́гъ очень часто видѣлся съ Плетневымъ. У послѣдняго соби́рался по субботамъ небольшой литературный кружокъ, и Дельви́гъ былъ постояннымъ субботнимъ гостемъ. Кромѣ Дельви́га на этихъ вечерахъ бывали Пушкинъ, Баратынскій и многіе другіе молодые писатели. Въ этихъ дружескихъ собраніяхъ прочитывались и обсуживались всѣ литературныя новости недѣли, читались и разбирались собственныя только что написанныя стихотворенія, и такимъ образомъ совершалось взаимное литературное образованіе собесѣдниковъ (*). Тутъ были читаны всѣ стихотворенія Дельви́га, изъ которыхъ многія исправлялись по замѣчаніямъ слушателей. Дельви́гъ, въ стихотвореніи къ Плетневу, при посылкѣ изданной имъ въ 1829 году книжки своихъ стихотвореній, вспоминаетъ объ этихъ дружескихъ собраніяхъ. Вотъ это стихотвореніе, пропущенное въ смирдинскомъ изданіи :

«Броженъе юности унялось,
Остепенился твой поэтъ :
И вотъ ему что отстоялось
Отъ прежнихъ дѣлъ, отъ прошлыхъ лѣтъ.
Тутъ все, знакомое субботамъ,
Когда мы жили жизнью всей,
И расходились на шесть дней, —
Я — снова къ лѣни, ты — къ заботамъ.»

Стихотвореніе это, написанное въ 1829 году, напечатано въ «Литературной Газетѣ» 1831 года (томъ II, № 55, стр. 152), съ подписью Z. Принадлежность его Дельви́гу не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію : авторъ предлагаемой статьи видѣлъ оригиналъ этого стихотворенія, написанный рукою поэта и съ его подписью на первомъ листкѣ экземпляра стихотвореній, подареннаго Плетневу.

Описанныя нами дружескія отношенія молодыхъ поэтовъ, хвалебныя посланія ихъ другъ къ другу и слишкомъ частое восхваленіе лѣни не могли не возбудить сатирическихъ выходокъ со стороны лицъ, не принадлежавшихъ къ ихъ дружескому кружку.

Для объясненія послѣдующаго припомнить только, что Баратынскій называлъ Дельви́га *безпечнымъ другомъ, товарищемъ минувшихъ радостей, баловнемъ забавъ* и т. п. ; самъ Дельви́гъ въ своихъ приведенныхъ выше стихотвореніяхъ выставялъ напоказъ свою беззаботность и лѣнь. Благодаря дружескимъ эпитетамъ, за Дельви́гомъ скоро утвердились названія : *баловня, литературнаго баловня, баловня-поэта*.

(*) Сообщено П. А. Плетневымъ.

Издатель «Благонамѣреннаго» Александръ Ефимовичъ Измайловъ, извѣстный своимъ нерасположеніемъ къ поэтамъ ново-романтической школы, первый началъ преслѣдованіе *литературныхъ баловней* вообще, т. е. поэтовъ новой школы, и *баловня-поэта* въ особенности. Въ «Благонамѣренномъ», который онъ началъ издавать съ 1818 года, печатались многочисленныя эпиграммы противъ поэтовъ новой романтической школы, во главѣ которой съ 1820 года уже стоялъ Пушкинъ, и въ особенности противъ Дельви́га. Эти нападенія являлись то въ видѣ простыхъ замѣтокъ, то въ объявленіяхъ, басняхъ, эпиграммахъ, надписяхъ, пародіяхъ, и т. п., и обыкновенно безъ имени или подъ самыми таинственными псевдонимами.

Въ «Благонамѣренномъ» 1820 года напечатано посланіе «Къ нѣкоторымъ поэтамъ» (апрѣль, № VII, стр. 56), съ подписью *А. Ма — йй*. Стихотвореніе это слишкомъ длинно и еще болѣе плохо, и потому, надѣмся, читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы ограничимся приведеніемъ изъ него только слѣдующихъ четырехъ строкъ :

.... «всѣ жильцы Пермесской колыбели:
Судить самихъ себя Архонтами засѣли;
Въ таланты жалуютъ, безсмертіе даютъ;
А Геніевъ у насъ и куры не клюютъ.»

(Стр. 57.)

Этотъ отрывокъ достаточно опредѣляетъ характеръ и цѣль стихотворенія, не направленнаго, однакожъ, противъ какой нибудь отдѣльной личности, но имѣвшаго въ виду вообще поэтовъ молодого поколѣнія.

Гораздо опредѣлительнѣе выразились эти нападенія съ 1822 года. Въ IX части «Благонамѣреннаго» напечатаны были приведенныя выше двѣ эпиграммы на Дельви́га; въ той же части (стр. 512) явилось слѣдующее стихотвореніе :

СОЮЗЪ ПОЭТОВЪ.

Сурковъ (*) Тевтонова (**) возносить ;
Тевтоновъ для него вѣнцовъ безсмертъя проситъ ;
Барабинскій, (***) прославленный отъ нихъ,
Ихъ прославляетъ обоихъ.
Одинъ напишетъ: мой Гораций!
Другой въ отвѣтъ: любимецъ Грацій!

(*) Подъ именемъ Суркова выдепъ Дельви́гъ, по сходству его въ отношеніи личности и совлывости съ суркомъ.

(**) Тевтоновъ — одинъ изъ издателей «Мнемозины».

(***) Барабинскій — Баратынскій.

И третій другъ,
Возвысивъ духъ,
Кричить: *вы, вы любимцы Грацій!*
А тѣ ему: *о нашъ Горацій!*

Тевтонова Сурковъ въ посланьяхъ восхвалялъ:

О Гений на всь роды!

Тевтоновъ же къ нему взывалъ:

О баловень природы!

А третій другъ,

Возвысивъ духъ,

Кричить: *вы баловни природы!* —

А тѣ ему: *о Гений на всь роды!*

А я скажу питомцамъ Музъ:

Цвѣти хвалебный вашъ союзъ!

Другъ друга прославляйте,

Другъ друга разбирайте,

съ Гораціемъ равняйте,

Посланья сочиняйте,

Въ журналы отсылайте,

Видныя слагайте,

Другъ другу посвящайте,

Слвную насъ толпу, счастливицы! забавляйте —

И свой отборный слогъ любя —

Хвалите вы самихъ себя!

Условныя желанья,

Нпмыя ожиданья,

Кипляця лобзанья,

И сладострастье нпгъ

Твердите и твердите!

Увядши для утѣхъ,

Въ окно не зря глядите!

Надъ чашами дремите,

И чашами стучите!

Читателей глушите!

Другъ другу дребезжите

О чашахъ вы своихъ!

Безъ чашъ не позонъ стихъ.

Беспечность, свободу

Въ кустахъ огорода

Зовите летать,

Летать и порхать,

Друзей прикликать!

И въ юности бывалой

Вѣнки брусники алой

Любите вспоминать!

Заслугой вы велики —
Вамъ Музы воздадутъ!...
Вьнками васъ брусники
Къ безсмертію увьютъ!» (*)

Слова, напечатанныя здѣсь курсивомъ, напечатаны такъ въ подлинникѣ, и заимствованы изъ стихотвореній тѣхъ же поэтовъ. Большая часть этихъ выражений взяты изъ стихотвореній, приведенныхъ выше, и потому понятны нашимъ читателямъ; остальные объясняются сами собою, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ стихотвореніями Дельвига; объяснять же ихъ теперь было бы и длинно и скучно.

Въ «Благонамѣренномъ», въ которомъ напечатаны были, кромѣ приведеннаго, еще два стихотворенія на Дельвига, учрежденъ былъ также цѣлый отдѣлъ, подъ названіемъ: «Сатирическая Газета», или «Сатирическія Вѣдомости», въ которомъ помѣщались разнообразныя, иногда не лишеныя остроумія замѣтки о нравахъ изъ жизни общественной и чисто-литературной. Молодые поэты, или, такъ называвшіеся, *литературные баловни*, чаще всего служили предметомъ этихъ замѣтокъ.

Въ этихъ «Вѣдомостяхъ» мы нашли слѣдующее приглашеніе:

«Нѣкто изъ литературныхъ баловней, недавно вышедшихъ изъ училища, желаетъ познакомиться съ извѣстными стихотворцами и составить себѣ репутацію. Онъ проситъ каждаго изъ нихъ написать къ нему по одному похвальному посланію въ эротическомъ или въ элегическомъ родѣ, съ чашами бытія, или съ отцвѣтшею душою, или по крайней мѣрѣ борьбою съ рокомъ и т. п., обязуясь на каждое по очереди отвѣчать двумя посланіями. Онъ же будетъ дѣлать разборъ ихъ стихотвореній и доказывать, что всѣ онѣ классическія. Онъ же беретъ бранить всякаго, кто имъ не нравится. Онъ же обѣщается посвятить каждому изъ нихъ по дюжину мелкихъ стихотвореній въ разныхъ книжкахъ. Адресоваться можно въ который нибудь изъ здѣшнихъ литературныхъ журналовъ, такимъ образомъ: *Посланіе къ юному баловню.*»

(Благонамѣренный 1823 г. № III, стр. 288.)

Тамъ же явилось слѣдующее извѣстіе:

«Н.... 18 декабря.

«Вчерашняго числа въ здѣшнемъ обществѣ баловней поэтовъ и прозаиковъ было торжественное собраніе. Предсѣдатель открылъ засѣданіе краткою, но сильною рѣчью, въ которой исчислилъ труды членовъ сего общества вообще и каждаго особенно, *похваливъ преимущественно*

(*) Въ статьѣ А. Д. Галахова объ Измайловѣ («Современникъ» 1850 г. № XI) приведены (стр. 29 и 30) двѣ первыя строфы этого стихотворенія, но безъ объясненія, кого имѣлъ въ виду его авторъ.

предъ прочими искреннихъ своихъ пріятелей. За сими читали въ прозѣ:
 1) *Смотръ Поэтамъ и Прозаикамъ*. Сочинитель г. Безграмотный, съ фонаремъ критики, прошелъ скорымъ шагомъ по всѣмъ рядамъ поэтовъ и прозаиковъ, и въ краснорѣчивомъ рапортѣ своемъ Публикѣ обличилъ таланты и успѣхи каждаго писателя. 2) *О народности поэзии*. Глубокомысленный авторъ Г. Молокососовъ, подслушалъ, кажется, у народа всѣ стихотворныя, или романтическія выраженія и разгадалъ трудную загадку, въ чемъ состоитъ народность Поэзии. Сочиненіе сіе признано оригинально-классическимъ и переводится на французскій языкъ Г. Н., который не знаетъ по русски. 3) *О свободѣ гения, твореніе Г. Букварева*. Въ сей диссертаци Г. Букваревъ рьянѣтельно доказалъ, что геній не долженъ стѣсняться узами Грамматики, Риторики и Логики, и что истинному литератору стыдно знать правописаніе. Чтеніе столь важнаго и полезнаго творенія неоднократно прерываемо было громкими рукошлескамія. *Въ стихахъ*: а) *Тыль Парии на северь*, Романтическая Поэма въ 33 отдѣленіяхъ, съ эниграфомъ: *Проклятъ, кто оскорбилъ поэта* — соч. Г. Донкишотова; в) *Плещи покой*, Элегія Г. Вразева, пяти-стопными ямбическими стихами, состоящая только изъ осьми стиховъ. с) *Сцены изъ трагедіи Кулицина: Соловей разбойникъ*. — Ужасны! Три Басни Г. Шутихина: *Тараканъ и Сверчокъ, Собака и Трубочистъ, Юпитеръ и Грибъ!* — Прекрасны! Всѣхъ искусѣ читали Г. Г. Донкишотовъ и Вразевъ. Одинъ изъ почитателей сдѣлалъ въ собраніи же на чтеніе ихъ слѣдующій экспромтъ:

«Оливъ, пахмурившись, гулять,
 Какъ пестъ рычать и воевать;
 Другой, согнувшись въ крюкъ, сидитъ —
 Зубки оская, воевъ.»

(Сочиненія Измайлова, изданіе 1826 г., ч. I, стр. 165, а смирдинскаго т. II, стр. 606 и 607 (*).)

По всей вѣроятности, авторъ имѣлъ въ виду одинъ изъ альманаховъ на 1824 годъ, хотя содержаніе альманаха не имѣетъ ничего общаго съ читанными въ обществѣ литературныхъ баловней статьими, кромѣ обзорѣнія литературы.

Въ тѣхъ же «Сатирическихъ Вѣдомостяхъ» находимъ слѣдующее книжное извѣстіе:

«Принимается подписка на новую книгу подъ заглавіемъ: *Ридинюль Грацій, или полное собраніе сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Аполлона Галиматьина, Члена Общества литературныхъ баловней*, и пр. и пр. въ 32 долю листа, въ розовой бумажной оберткѣ, съ искусно гравированною виньетой и съ нижеслѣдующимъ эниграфомъ:

(*) Это извѣстіе было приведено и въ статьѣ А. Д. Галахова объ Измайловѣ («Современникъ» 1849 г. № XII, стр. 76 и 77).

Пятнадцать только лѣтъ? Не болѣе того?
 Такъ розгами его!

(Сочиненія А. Измайлова, изд. 1826 г., часть I, стр. 172, а смирдинскаго т. II, стр. 612.) (1)

Для объясненія этого извѣстія, скажемъ только, что въ это время, въ концѣ 1824 года, было объявлено объ изданіи новаго альманаха на 1825 годъ — «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», собранныхъ барономъ Дельвигомъ, которому тогда было хотя далеко не пятнадцать лѣтъ, но который, однакожь, въ глазахъ Измайлова могъ казаться мальчикомъ, потому что былъ моложе его двадцатью годами (2).

Но Измайловъ не довольствовался мелкими журнальными статьями для осмѣянія литературныхъ баловней вообще и баловня-поэта въ особенности: онъ не давалъ имъ покоя и въ басняхъ. Для приѣма возьмемъ басню:

МАКАРЬЕВНИНА УХА.

Макарьевна уху сварила,
 Десятка три ершей,

Назюмъ двухъ и двухъ лещей,

Со стерлядью большой въ кастрюлю положила,
 Да лучку, корешковъ — и соли не забыла.
 Кондрата Кузмича съ хозяйкой пригласила,
 И дорогимъ гостямъ ушину подаетъ:

Отвѣдали — но въ душу имъ неидеть.

Чтожь такъ? Проклятая уху пересолила!

Иной острякъ, или баловень-нитъ

Ужь такъ стихи свои пересолить,

Или — какъ говорятъ поэты-обезьяны —

Положить густо такъ румяны,

Что смысла не видать.

Охота же кому безсмыслицу читать! (3)

(Басни и сказки А. Измайлова, изд. 1826 г., часть I, стр. 74, а смирдинск. изд. его сочиненій т. I, стр. 59.)

Для поясненія курсивныхъ словъ въ этой баснѣ приведемъ изъ обзорѣнія старой и новой словесности въ одномъ изъ альманаховъ того времени слѣдующее сужденіе о Дельвигѣ: «Дельвигъ одаренъ талантомъ вымысла; но пристрастия къ германскому эмпиризму и древнимъ формамъ, нерѣдко властятъ въ отвлеченность. Въ бездѣлкахъ его видна не нарумяненная природа.»

(1) Извѣстіе это было приведено въ той же статьѣ (стр. 77).

(2) Измайловъ родился 14 апрѣля 1779 года, а Дельвигъ 1798 года.

(3) Басня эта была первоначально напечатана въ «Благонамѣренномъ» 1823 г. (№ V, стр. 336), съ примѣчаніемъ сочинителя къ третьей строкѣ: «Лещи по нуждѣ идутъ здѣсь въ рѣому, а въ уху совсѣмъ не годятся.»

Въ баснѣ «Собака и Секретарь» (быль и сказка) также говорится вскользь о *поэтахъ-баловняхъ*. Приведемъ начало этой басни:

«Вотъ Софьи Дмитриевны (1) не стало!
И Гекторъ сталъ совсѣмъ другой,
Ужь не такой,
Что былъ при ней. — Бывало
Ни на кого онъ не глядѣлъ,
И, кромѣ барыни, другихъ знать не хотѣлъ;
Хлѣбъ бѣлый нюхалъ, а не ѣлъ!
Къ одной лишь госпожѣ ласкался;
На слугъ и на гостей рычалъ:
Поэтовъ-баловней — и тѣхъ не отличалъ!
Все по диванамъ онъ, какъ графъ какой, валялся!...»

(Басни и сказки А. Измайлова, изд. 1826 г., ч. I, стр. 88, а смирдинскаго изданія его сочиненій т. I, стр. 67, (2).)

Даже въ посланіи своемъ къ «Крестнику-Аполлону» Измайловъ желаетъ своему крестнику быть стихотворцемъ,

«Но не романтикомъ — нѣтъ, нѣтъ, избави Боже!...
Да и не баловнемъ — одно почти и тоже.» (3)

Частною причиною этой литературной войны могли быть отчасти споры въ Вольномъ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, по поводу разногласій съ Вице-Предсѣдателемъ общества Карзиннымъ. Противъ Каразина сказано было нѣсколько, можетъ быть, не совсѣмъ умѣренныхъ рѣчей, въ томъ числѣ и Дельвигомъ. Дельвигомъ говорилъ первый. Рѣчь его, сравнительно съ другими весьма умѣренная, была заключена двустихіемъ В. Пушкина:

«Кто мыслить правильно, кто мыслить благородно,
Тотъ выражается приятно и свободно.»

Каразинъ, какъ бы не понявъ ироніи, благодарилъ поэта; но дѣло кончилось тѣмъ, что Каразинъ былъ исключенъ изъ общества (4).

(1) Софья Дмитриевна Пономарева, умершая въ 1824 году, — одна изъ умѣншихъ и самыхъ очаровательныхъ женщинъ своего времени, у которой собирались литераторы. Измайловъ и Дельвигомъ были съ нею особенно дружны.

(2) Объ этой баснѣ упоминается въ статьѣ Галахова объ Измайловѣ («Современникъ» 1849 г. № XII, стр. 76).

(3) Стихотвореніе это было напечатано въ «Календарѣ Музъ» на 1827 годъ, изданномъ Измайловымъ (стр. 84, съ отаѣткою 10 іюля 1826), и въ смирдинскомъ изданіи сочиненій Измайлова (т. I, стр. 272. О немъ говорится и въ статьѣ Галахова объ Измайловѣ («Современникъ» 1849 г. № XII, стр. 76). Въ томъ же «Календарѣ Музъ» (стр. 41) напечатано другое посланіе «Крестнику Аполлону» М. Даргомыжской, относящееся къ тому же самому лицу.

(4) Сообщено П. А. Плетневымъ.

Но главнѣйшею, закулисною причиною приведенныхъ нами выходовъ была извѣстная пародія на *Смальгельмскаго Барона Жуковскаго*, написанная Дельвигомъ. Въ этой остроумной и мѣткой пародіи выведены были оба воевавшие съ Дельвигомъ писателя, и одному изъ нихъ (потому-то и болѣе ожесточенному) въ ней порядкомъ досталось. Эпиграмма Дельвигомъ на одного изъ нихъ, писанная, можетъ быть, уже послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ на него нападеній, еще болѣе подлила масла въ этотъ полемическій огонь.

Насмѣшки, вызванныя дружескими отношеніями молодыхъ поэтовъ, стали являться и въ нѣкоторыхъ другихъ журналахъ.

Въ «Литературныхъ Листкахъ» 1824 года, журналѣ правовъ и словесности, изданномъ г. Булгаринымъ, напечатана (№ XVI) статья подъ заглавіемъ «Литературные призраки». Подъ статью выставлено *Θ. Б.* — подпись, хорошо извѣстная читателямъ фельетоновъ «Сѣверной Пчелы», и къ статьѣ сдѣлана слѣдующая выписка:

«Сочинитель сей статьи излишнимъ почитаетъ предупредить своихъ читателей, что въ ней нѣтъ никакихъ личностей, что имена и разговоръ выдуманъ, и на самомъ дѣлѣ никогда не существовали. Многие молодые люди, написавъ нѣсколько куплетовъ по инстинкту, превозносимые въ кругу друзей и родныхъ, осыпавые похвалами отъ услужливыхъ журналистовъ, почитаютъ себя гениями, отъ юности бросаютъ науки, всю жизнь проводятъ въ бездѣйствіи и воображая себя вдохновенными, судятъ обо всемъ рѣшительно, пишутъ совершенный вздоръ, безъ всякой пользы для себя и для отечества. Но что всего хуже, эти, такъ называемые, поэты, уловляютъ другихъ юношей въ свои сѣти, вперяютъ имъ лѣнь, отвращеніе отъ наукъ и полезныхъ занятій. Искорененіе сего зла — есть цѣль сей статьи.»

(Стр. 93.)

Статья начинается слѣдующимъ эпиграфомъ:

Прямой талантъ въ другихъ я вѣчно уважалъ,
И лишь несподобей былъ искренній гонитель:
Я не шалывъ невѣжалъ и скарелныхъ писовъ;
Что дѣлать? и теперь я всѣмъ сказать готовъ:
Фирсъ добрый человекъ, но глупый сочинитель.

В. Пушкинъ.

«Литературные призраки» написаны въ формѣ разговора, предметъ и поводъ котораго лучше всего объяснить слѣдующее начало статьи:

«Архипъ Фаддеевичъ, большой охотникъ до наблюдений, просилъ меня однажды, чтобы я показалъ ему нѣсколькихъ изъ числа поэтовъ-подражателей, которыхъ безсмыслицъ онъ часто удивлялся въ разныхъ журналахъ. Я попросилъ къ себѣ на вечеръ четырехъ

изъ числа самыхъ отчаянныхъ передразнителей первоклассныхъ нашихъ писателей, представляющихъ публикѣ лучшія ихъ произведенія вывороченными на изнанку. Эти добрые люди считаютъ себя основателями *Новой Школы*, потому единственно, что въ нелѣпныхъ своихъ твореніяхъ употребляютъ *некстати* нѣкоторыя новыя (курсивъ въ подлинникѣ) слова и рѣченія, кетати введенныя въ языкъ отличными писателями. Архипъ Фаддеевичъ любопытствовалъ также узнать причину, заставившую молодыхъ поэтовъ избрать путь совершенно противоположный цѣли поэзіи. Онъ, по добродушію своему, полагалъ, что это направленіе умовъ есть слѣдствіе новаго ученія или размышленія. Читатель увидитъ, какъ онъ обманулся. — Въ наше общество попалъ нечаянно одинъ истинный литераторъ, г. Талантинъ, недавно прибывшій въ столицу изъ отдаленныхъ странъ, гдѣ онъ находился по службѣ; и онъ-то былъ причиною разговора, который я здѣсь помѣщаю.

Архипъ Фаддеевичъ (*обращаясь къ истинному литератору*). Почему вы перестали писать? — Я знаю вашу комедію, видалъ ее на театрѣ, читалъ напечатанную, и всегда восхищался живою мыслью, плавностью стиховъ и занимательностью положеній дѣйствующихъ лицъ. По роду своему, она, конечно, не принадлежитъ къ первокласснымъ характернымъ комедіямъ, но доказываетъ ваши отличныя способности. Я слышалъ отъ одного знатока, что у васъ есть другая комедія въ рукописи, которая воскреситъ у насъ на сценѣ память Фонъ-Визина. — Но неужели вы въ семь лѣтъ ничего болѣе не произвели? Скажите мнѣ, что вы дѣлали?

Талантинъ. Учился!

Лѣвтяевъ, Неучинскій, Фіалкинъ, Борькинъ (*вмѣстѣ*). Ха, ха, ха.

Арх. Фад. Что вы здѣсь находите смѣшнаго?

Лѣвтяевъ. Развѣ надобно учиться, чтобы быть Поэтомъ?

Талантинъ. Точно такъ, какъ надобно учиться, чтобы быть музыкантомъ, скульпторомъ, живописцемъ. Талантъ есть способность души принимать впечатлѣнія и живо изображать оныя: предметъ — Природа, а посредникъ между талантомъ и предметомъ — Наука.

(Всѣ, исключая меня и Арх. Фад., смѣются.)

Лѣвтяевъ. Какой вздоръ! — Я вамъ докажу собою, что Науки вовсе не нужны. Еще въ школѣ, друзья мои (изъ которыхъ теперь многіе уже прославились), увѣрили меня, что я рожденъ Поэтомъ. Я пересталъ учиться, началъ писать стихи: посланія, мелодическія пѣсни и анакреонтическіе гимны — и прославился. Воспѣваю вино, лѣнь, себя и друзей моихъ. Наслаждаюсь, пью радость изъ чаши бытія, чрезвычайно много сплю, провожу жизнь въ совершенномъ бездѣйствіи, и слава друзей моей юности, отражаясь на мнѣ и сливаясь съ моею, доставила мнѣ громкое имя Русскаго Горация, Анакреона, Тибулла....

Арх. Фад. Позвольте спросить, гдѣ, и кто величаетъ васъ сими именами?

Лѣвтяевъ. Кто? Цѣлый міръ, всѣ друзья мои Поэты! Гдѣ? — Повсюду: я это вамъ докажу даже изъ печатнаго.

Неучинскій. Это совершенная правда: о, другъ мой, мой Гораций! Впрочемъ, не думайте, чтобы мы никогда не заглядывали въ книги: мы читали Парни, Ламартина, и одну часть изъ курса Лагаррова.

Эта выписка достаточно объясняетъ, кого имѣлъ въ виду авторъ подлѣ вымышленными именами, и какая цѣль этого сближенія понятій истиннаго литератора съ понятіями поэтовъ-подражателей, считающихъ себя основателями *новой школы*. Уже по приведенной нами выпискѣ нетрудно узнать въ *Талантинѣ* — Грибоѣдова, въ *Лѣвтяевѣ* — Дельвига, и въ *Неучинскомъ* — Баратынскаго. Остальныхъ не называемъ, потому, что они не имѣютъ прямого отношенія къ предмету нашей бесѣды.

Далѣе *Неучинскій* говоритъ:

«На что Науки? Я въ четырнадцать лѣтъ бросилъ ученіе, ничего не читалъ, ничего не знаю — но славенъ и великъ! — Я поэтъ природы, вдохновеніа! Въ моихъ гремучихъ стихахъ отдаются, какъ въ колокольчикѣ, любовные стоны, сердечная тоска смертельной скуки, уныніе (когда нѣтъ денегъ), и радость (когда есть деньги), въ пирахъ съ друзьями. Я Русской Парни, Ламартина: если не вѣрите, спросите у друга моего Лѣвтяева.»

Лѣвтяевъ. Клянусь Вакомъ — правда! Стихи друга моего образцовые — я вамъ докажу это печатнымъ. (Стр. 99.)

Всѣ разговоръ вертится на необходимости образованія для поэта и пересыпанъ ни для кого не новыми истинами. Поэтому ограничиваемъ замѣчаніями *Лѣвтяева* и *Неучинскаго*, какъ имѣющими нѣкоторое значеніе по отношенію къ предмету этой статьи.

На доводы *Арх. Фад.* Лѣвтяевъ возражаетъ:

«Древніе поэты, которыхъ намъ безпрестанно поставляютъ въ примѣръ, и которыхъ слава возрасла до такой степени, что мы, ни чему не учившись, знаемъ ихъ имена, древніе, говорю я, не знали того, что знаютъ наши профессора, а писали лучше ихъ.» (Стр. 100.)

Архипъ Фаддеечъ доказываетъ спорящимъ ученость Гомера, Вергилія и другихъ древнихъ поэтовъ, и говоритъ, что въ твореніяхъ древнихъ видна возвышенная цѣль, и потому они останутся навсегда образцовыми.

«А будто у насъ нѣтъ образцовыхъ сочиненій, возражаетъ Неучинскій, — мои стихи помѣщены....»

Лѣвтяевъ. По какую же вы находите цѣль въ твореніяхъ Анакреона, Тибулла, Горация, о которыхъ говорятъ, что они воспѣвали только вино и любовь, подобно мнѣ? — Я утверждаю, что Поэзія не должна имѣть никакой цѣли, кромѣ плавности въ стихахъ, и вѣрнаго изображенія чувствованій.» (Стр. 102.)

На замѣчаніе Архипа Фаддееча о смѣшныхъ подражаніяхъ древнимъ элегіямъ, Лѣвтяевъ вступаетъ за честь древнихъ элегій, объявляя, что это — его конекъ.

«Развѣ вы знаете древніе языки?» спрашиваетъ его Архипъ Фаддеечъ.

«А это на что? отвѣчаетъ Лѣвтяевъ. «Я все знаю, по инстинкту и по наслышкѣ, и отчасти по переводамъ на французскій языкъ, котораго, хотя я не понимаю совершенно, но какъ говорится — маракую.» (*Котораго маракую?*)»

Нравоучительный результат этого разговора состоитъ въ томъ, что русскій поэтъ долженъ въ совершенствѣ изучить русскій языкъ, грамматику, духъ русскаго языка, чего, конечно, никто не оспоритъ, но сверхъ того еще знать нѣсколько соплеменныхъ славянскихъ нарѣчій (?), прочесть нѣсколько (1) славянскихъ, русскихъ, богемскихъ и польскихъ грамматикъ и рассмотреть столько же словарей (!?); прочесть Тацита, Фукидида, Робертсона, Юма, Гиббона и Миллера, познакомиться съ путешественниками по Индіи, Персіи, Бразиліи, Сѣверной Америкѣ и по островамъ Южнаго Океана), ознакомиться нѣсколько съ *Восточными рудниками Гаммера* (Fundgruben des Orients), (?) или *перевернуть нѣсколько листовъ* въ Гербелотѣ, (1) въ Христоматіи Сильвестра де-Саси (!?), въ *Азіатическихъ Изысканіяхъ Калькутскаго Ученаго Общества* (Asiatic Researches) и въ *Назидательныхъ письмахъ о Китаѣ* (?!?!). Вотъ какія огромныя свѣдѣнія требуются отъ русскаго поэта, и, замѣтите, только отъ одного русскаго. Ужь не отъ того ли у насъ такъ мало поэтовъ? И, дѣйствительно, знакомство съ *восточными рудниками* и *перевертыванье листовъ* въ Гербелотѣ хоть кого закупаютъ.

Но возвратимся къ «Призракамъ» отъ этой забавной дѣйствительности.

Выслушавъ программу всякой *восточной* мудрости, знаніе которой требуется отъ *русскаго* поэта, Лѣвѣевъ говоритъ хозяину, вслѣдъ за уходомъ Талантина и Архипа Фаддеича:

«Скажи, пожалуйста, откуда ты выкопалъ этихъ оригиналовъ съ ихъ нравоученіемъ? Повѣрь, что все мы принимаемъ это за оскорбленіе питическихъ нашихъ дарованій. Какъ! — намъ совѣтовать учиться? — Мщеніе! мщеніе! — Я напишу пѣсню, въ которой разберу тебя, старика и твоего ученаго пріятеля.» (Стр. 107.)

Фіалкинъ и Борькинъ также угрожаютъ ему мстѣю, а Неучинскій говорить:

«Я васъ задѣну въ посланіи къ другу и напишу эпиграмму, а если надобно, то придѣлаю куплетецъ къ пѣсни друга моего Лѣвѣева.» (Стр. 108.)

Дѣйствительно, Баратынскій, какъ мы видѣли выше, придѣлывалъ куплеты къ пѣснѣ Дельвига.

Сочинитель разговора, конечно, преувеличилъ смѣшныя стороны изображенныхъ имъ лицъ; но въ его статьѣ есть и нѣсколько правды. Дельвигъ дѣйствительно былъ лѣнивъ до послѣдней степени и умственно и физически, но былъ весьма далекъ отъ приписаннаго ему въ этой статьѣ презрѣнія къ наукѣ: мы уже видѣли выше, въ какой степени Дельвигъ любилъ изученіе классическихъ авторовъ и чтеніе вообще, даже какое влія-

ніе на Пушкина онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи, и это уже достаточно опровергаетъ приданную Дельвигу, въ лицѣ Лѣвѣева, самонадѣянность и ненависть къ наукѣ. Еще болѣе подтверждаетъ наши слова намѣреніе Дельвига заняться греческимъ языкомъ, намѣреніе, которое Дельвигъ привелъ уже въ исполненіе, съ цѣлію написать въ издававшейся имъ «Литературной Газетѣ» критическую статью о переводѣ «Илліады» Гнѣдича, и даже приступить къ переводу нѣкоторыхъ греческихъ поэтовъ (о чемъ подробнѣе будетъ сказано въ одной изъ слѣдующихъ статей); но преждевременная смерть застигла его среди этихъ занятій.

Въ 1820 году Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ издалъ «Оракулъ въ новомъ родѣ или предсказанія на 1820 годъ». Въ этомъ «Оракулѣ» находимъ (стр. 42) слѣдующее предсказаніе:

«Поэты, связанные между собою пріязнію, не станутъ печатно хвалить другъ друга до безконечности. Въ элегическихъ стихотвореніяхъ не будутъ встрѣчаться мечты до тысячи родовъ. Романтическіе поэты менѣе станутъ сѣтовать о небывалыхъ (т. е. для нихъ) наслажденіяхъ жизни, о *увядшей молодости*, о чемъ-то безвѣстномъ, но прелестномъ: они, сколь можно рѣже, будутъ печалиться *тайною грустью* (*) и радоваться смутнымъ веселіемъ.»

Вообще бѣольшая часть приведенныхъ нами журнальныхъ выходовъ противъ Дельвига отличаются преувеличеніемъ подмѣченныхъ въ немъ слабостей, а такая неумѣренность сатиры дѣлаетъ ее болѣе грубою, нежели колкою, вредитъ ея впечатлѣнію и вообще напоминаетъ Макарьевну, пересолившую уху, въ приведенной выше баснѣ Измайлова. Несмотря, однакожь, на такое преувеличеніе, нельзя не сознаться, что многія изъ этихъ выходовъ, особенно тѣ, которыя направлены на слабую сторону выведеннаго нами дружескаго кружка, какъ, напримѣръ, на воспѣваніе лѣни и восхваленіе другъ друга, имѣютъ въ основаніи правду до нѣкоторой степени.

Въ позднѣйшихъ журнальныхъ выходахъ противъ Дельвига и его дружескихъ отношеній уже не ограничивались насмѣшкою и каррикатурою, но пошли еще далѣе.

Въ «Сѣверной Звѣздѣ», изданной въ 1829 году Бестужевымъ-Рюминымъ, въ статьѣ «Мысли и замѣчанія литературнаго наблюдателя», подписанной *Аристархъ Завѣтный*, и принадлежащей самому издателю, находимъ (стр. 286, 287 и 288) нѣсколько самыхъ ожесточенныхъ выходовъ противъ Дельвига и Плетнева. Неумѣренность ихъ даже вызвала опроверженіе въ «Московскомъ Телеграфѣ» (1829 года, часть 28, № 14, стр. 220, по поводу разбора «Сѣверной Звѣзды»).

(*) См. посланіе Баратынскаго къ Дельвигу.
Т. XXXIX. Отд. III.

Представляемъ читателямъ еще два слѣдующихъ замѣчанія изъ того же альманаха :

«Всѣмъ извѣстно, что между нѣкоторыми русскими литераторами давно уже основано общество друзей взаимнаго прославленія. Почетные члены сего блистательнаго общества пишутъ безпрестанно другъ къ другу посланія, въ которыхъ истощаются во взаимныхъ похвалахъ. Но этого еще мало! Они дарятъ издаваемые ими книжечки съ надписями, приносящими особенную честь авторской ихъ скромности. Такъ, напримѣръ, Б. Д., (Баронъ Дельвигъ), даря свои произведенія А. П. (А. Пушкину) и П. П. (П. Плетневу), надписываетъ первому: русскому Байрону, а послѣднему: Русскому Лагарпу. А. П. отвѣчаетъ Б. Д. своимъ подаркомъ съ надписью: Русскому Горацию. — Проказники!... (*) (Стр. 289.)

«Есть злые люди, которые, не уважая отечественныхъ дарованій, распускаютъ слухи, будто бы литературная слава знаменитаго Поэта нашего Барона Дельвига непосредственно зависитъ отъ пріязни его съ А. Пушкинымъ и Баратынскимъ, и будто бы поэтическія произведенія его не дурны болѣе потому, что одна половина ихъ (исключая, впрочемъ, гекзаметровъ, въ коихъ многіе стихи по особенному роду своему основаны на новыхъ правилахъ, вводимыхъ собственно Барономъ Дельвигомъ) принадлежитъ Пушкину, а другая Баратынскому. О клеветы людскіе!...» (Стр. 288.)

Нужно ли объяснять, изъ какихъ побужденій писались подобныя выдумки? Въ опроверженіе ихъ скажемъ только, что Пушкинъ и Баратынскій въ двадцатыхъ годахъ безпрестанно уѣзжали изъ Петербурга, а Дельвигъ почти постоянно жилъ въ Петербургѣ; и потому они оба присылали Дельвигу (а не наоборотъ) свои произведенія въ рукописи, для помѣщенія ихъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ»; Дельвигъ же не имѣлъ надобности посылать своихъ стихотвореній ни въ Кишеневъ, ни на Кавказъ, ни въ Михайловское, ни въ Москву. Одинъ какой нибудь частный случай не даетъ еще права сдѣлать въ этомъ отношеніи общее заключеніе. Кромѣ того Пушкинъ такъ искренно восхищался произведеніями Дельвига, что невѣроятно предполагать, чтобы онъ принималъ въ нихъ какое нибудь матеріальное участіе, и хвалилъ потомъ самого себя. Напротивъ, мы имѣемъ доказательства, что Пушкинъ уважалъ совѣты Дельвига и самъ пользовался ими, и что есть стихотворенія Дельвига, которыя не только приписывались Пушкину, но приписываются ему еще и теперь.

(*) Въ экземплярѣ, подаренномъ Дельвигомъ П. А. Плетневу, мы видѣли надпись просто: *Другу Плетневу*. Полагаемъ, что и другія надписи — выдумка *Аристарха Завѣтнаго*.